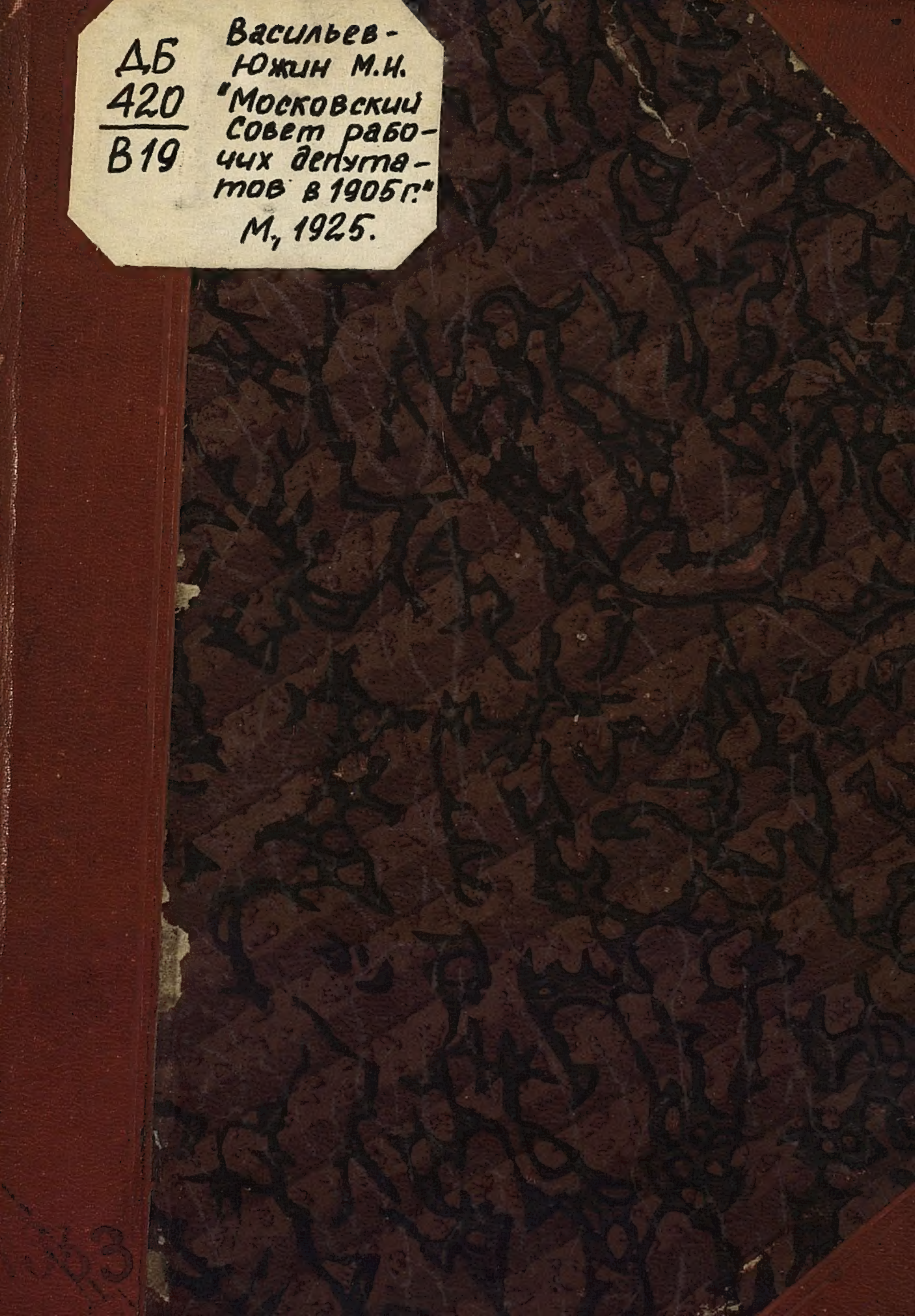

ДБ
420
В19
Васильев-
Южин М.И.
"Московский
Совет рабо-
чих депута-
тов в 1905 г."
М, 1925.

М. И. ВАСИЛЬЕВ-ЮЖИН

МОСКОВСКИЙ СОВЕТ РАБОЧИХ ДЕПУТАТОВ В 1905 Г.

И ПОДГОТОВКА ИМ ВООРУЖЕННОГО ВОССТАНИЯ

МОСКВА 1—9—2—5

МОСКОВСКИЙ СОВЕТ Р. К. и КР. ДЕПУТАТОВ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

М. И. ВАСИЛЬЕВ-ЮЖИН

МОСКОВСКИЙ СОВЕТ РАБОЧИХ ДЕПУТАТОВ В 1905 ГОДУ

И ПОДГОТОВКА ИМ ВООРУЖЕННОГО ВОССТАНИЯ

ПО ЛИЧНЫМ ВОСПОМИНАНИЯМ И ДОКУМЕНТАМ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „НЕДРА" „МОСПОЛИГРАФА"
МОСКВА—1925

Москва, Главлит № 39.830. 10.000 экз.

„Мосполиграф“, 16-я типография, Трехпрудный пер., 9.

Героическому Московскому Пролетариату в память о первом самоотверженном бое за Пролетарскую Диктатуру и Власть Советов свой скромный труд

ПОСВЯЩАЮ

МОСКОВСКИЙ СОВЕТ РАБОЧИХ ДЕПУТАТОВ

в 1905 году

I

ПЕРВАЯ ИДЕЯ ОРГАНИЗАЦИИ В МОСКВЕ СОВЕТА РАБОЧИХ ДЕПУТАТОВ

Московский Совет Рабочих Депутатов возник значительно позднее своего петербургского собрата. Его история не блещет такими яркими эпизодами, как история Петербургского Совета, который и по своему положению в административном и политическом центре России, и благодаря сравнительной длительности своего существования, должен был сыграть и сыграл огромную роль в революции 1905 года. Но в деле организации московского пролетариата, в деле подготовки и организации московского восстания, этого наиболее яркого события в революции 1905—1906 г.г., значение первого Московского Совета Рабочих Депутатов чрезвычайно велико.

Мысль о создании в Москве Совета Рабочих Депутатов возникла среди московского пролетариата еще в сентябре, или в начале октября[1]) 1905 года, когда в Москве вспыхнула всеобщая забастовка, охватившая затем всю Россию. В самый разгар забастовки московскими социал-демократами было выпущено воззвание, озаглавленное «В борьбе». Приведу здесь целиком это воззвание, как чрезвычайно ценный документ, характеризующий позицию

---

[1]) Старого стиля.

нашей партийной организации по целому ряду коренных вопросов, выдвинутых тогда событиями. Вот оно[1]:

«Борьба разгорается. Всеобщая стачка, точно пожар, разливается по всей России. Новая волна народного возмущения подымается все выше и выше. Она растет в своем могучем движении. Она захватывает город за городом, все на своем пути. Быть может, эта волна и будет тем девятым валом, который захлестнет насквозь прогнившее здание царизма и снесет с лица земли позор и проклятие нашей родины—царское самодержавие.

В бой за свободу, товарищи! Москва,—это сердце России,—должна стать и становится сердцем всенародного восстания. Все должны прим-

---

[1]) Я беру его из статьи тов. Максакова „В декабрьские дни", помещенной в сборнике „Декабрьское восстание в Москве 1905 г." (Госиздат, Москва, 1920 г.) К сожалению, тов. Максаков не указал там, какой московской организацией—большевиками или меньшевиками—было выпущено это воззвание. По духу, по содержанию, по лозунгам оно—ярко большевистское. Возможно даже, что оно было написано мной, ибо большинство прокламаций, резолюций и тому подобных документов Московского Комитета, а затем федеративного Комитета и Совета Рабочих Депутатов писалось и редактировалось тогда мной. Стиль воззвания тоже как-будто мой. Однако, через двадцать лет припомнить все с полной уверенностью весьма трудно. К сожалению, в Центроархиве, из которого тов. Максаков, по его словам, извлек эту прокламацию, в настоящее время ее не оказалось. Мои попытки найти ее в других местах—в Истпарте, в Музее Революции и т. п.—тоже оказались тщетными. Не думаю все-таки, чтобы подобная прокламация могла быть выпущена меньшевиками, хотя московские меньшевики тянулись тогда за большевиками и нередко щеголяли словесной революционностью. Когда возник Петербургский Совет Рабочих Депутатов, мы по соображениям, о которых я подробнее говорю ниже, довольно сдержанно относились некоторое время к идее организации беспартийных Советов. Но воззвание выпущено было, видимо, значительно раньше, когда такое отношение не могло еще определиться, а идея Советов Рабочих Депутатов напрашивалась сама собою, особенно после опыта организации Совета Рабочих Депутатов в Иваново-Вознесенске во время знаменитой летней забастовки. Отдельные места воззвания выделены разрядкой мною.

кнуть к общему потоку освободительного движения. В этот торжественный момент пусть вся масса рабочих двинется в бой. Прежде всего бросайте работу. Все бросайте! Останавливайте фабрики, заводы, мастерские, трамваи, освещение... Все останавливайте! Идите вперед на борьбу за общие всему рабочему классу политические и экономические требования.

Во имя этих требований бросайте работу, устраивайте собрания. На каждой фабрике и заводе обсуждайте положение дел. Вырабатывайте специальные, частные требования и общие требования всего рабочего класса. Выбирайте депутатов для руководства стачкой. Депутаты сорганизуют разрозненных рабочих. Депутаты обязаны постоянно давать отчет во всех своих действиях и для этого должны устраивать общие и частные рабочие собрания. Депутаты отвечают перед нами, но и мы отвечаем за депутатов. Пусть депутаты всех фабрик и заводов объединяются в общий Совет Депутатов всей Москвы. Такой общий Совет Депутатов объединит весь московский пролетариат. Он придаст ему ту сплоченность и организованность, которые ему нужны для борьбы со всеми его врагами,—как с самодержавием, так и с буржуазией. Освобождение рабочих должно быть делом самих же рабочих. Возьмите в собственные руки рабочее дело и только своим избранным представителям доверьте руководство борьбой. Рабочий класс должен сорганизоваться в отдельную социал-демократическую рабочую партию. Только она одна выражает и защищает интересы рабочего класса. Теснее сплачивайтесь, пролетарии, под ее красным знаменем!

Итак, товарищи, готовьтесь! Настают последние минуты старого строя. Старый строй не сдастся без кровавого боя. Нужно знать это, нужно готовиться к этому. Нужно вооружаться. Только всенародным воору-

женным восстанием можно покончить со строем виселицы и штыка.

Никаких переговоров с самодержавием! Изменник тот, кто протягивает руку разлагающемуся порядку, кто входит в сношения с Николаем Кровавым и его холопами. Не просить нужно, а бороться и могучим последним натиском разрушить твердыню самодержавия. Да здравствует всеобщая стачка! Да здравствует всенародное восстание!».

Таким образом Московской социал-демократической организацией еще в сентябре или в начале октября 1905 г. был поднят вопрос о создании Совета Рабочих Депутатов. Петербургский же Совет Рабочих Депутатов организовался, как известно, в средних числах октября (первое организационное собрание состоялось 13/26 октября в здании Технологического Института). Что заставило московских социал-демократов выдвинуть этот вопрос? Прежде всего попытки мелкобуржуазных интеллигентских союзов захватить руководство стачечным движением широких рабочих масс в свои руки.

К забастовке, начатой филипповскими булочниками и типографскими рабочими, стали примыкать не только рабочие фабрик и заводов, не только железнодорожники, но и служилая интеллигенция: адвокаты, учителя, инженеры, даже судьи и другие чиновники. Они успели к осени 1905 г. создать ряд своих организаций и союзов и образовали даже объединяющую их организацию — так называемый Союз Союзов. Очень сильным и влиятельным железнодорожным союзом тоже фактически руководили тогда либеральные, слегка эсерствовавшие инженеры. Когда забастовка стала бурно развиваться, эти организации образовали Стачечный Комитет, состоявший главным образом из радикальствовавших интеллигентов, враждебно настроенных против социал-демократов, особенно против большевиков. Однако, типографские рабочие, среди кото-

рых господствовали меньшевики, послали в Стачечный Комитет своих представителей. Стачечный Комитет стал зазывать к себе представителей и от других рабочих организаций и предприятий.

Вот тогда-то и был выдвинут вопрос о создании Совета Рабочих Депутатов, ибо мы совершенно основательно не доверяли беспартийному Стачечному Комитету, во главе которого стояли явно ненадежные в классовом отношении элементы. Поэтому-то в воззвании подчеркивалось, что «освобождение рабочих должно быть делом самих же рабочих», что «рабочий класс должен сорганизоваться в отдельную социал-демократическую (теперь мы сказали бы „коммунистическую") партию», которая «только одна выражает и защищает интересы рабочего класса».

Поэтому мы и предупреждали рабочих, что недопустимы «никакие переговоры с самодержавием», что «изменник тот, кто протягивает руку разлагающемуся порядку, кто входит в сношения с Николаем Кровавым и его холопами».

Я побывал лишь на одном собрании Стачечного Комитета. Большинство его состава производило впечатление крайней ненадежности. Было очевидно, что либеральные союзы служащих примкнули к забастовке лишь в силу необходимости, под могучим давлением рабочих и низших служащих. Было очевидно, что Стачечный Комитет как огня боится неизбежного обострения борьбы, что даже всеобщую забастовку он постарается ликвидировать возможно скорее, при первом обманном обещании правительства. Вот почему мы предупреждали рабочих против «изменников»—соглашателей и подчеркивали, что «только всенародным вооруженным восстанием можно покончить со строем виселицы и штыка».

Наши опасения оправдались. Как только был опубликован манифест 17/30 октября, Стачечный Комитет, не осведомив о своих намерениях ни большевиков, ни даже меньшевиков, послал Витте пошлую, раболепную телеграмму, благодаря его за содействие изданию манифеста

и прося повергнуть к стопам монарха верноподданнические чувства и настроения. Вместе с тем он обратился к московским рабочим с призывом немедленно прекратить забастовку. Между тем, московские рабочие только что раскачались по-настоящему. На многих фабриках и заводах были предъявлены, кроме того, экономические требования, ибо московские—даже „либеральные"—фабриканты и заводчики особенно чудовищно эксплоатировали своих рабочих. Естественно, что это обращение вызвало среди рабочих недоумение и негодование.

Мы самым решительным образом заклеймили позорное поведение Стачечного Комитета и, только спустя дня два, призвали рабочих прекратить политическую забастовку, продолжая, где возможно, добиваться экономических уступок. Помню хорошо, что в нашем воззвании (его нет в моем распоряжении) мы говорили собственно не о прекращении, а о перерыве политической забастовки, приглашая рабочих готовиться к новому натиску на царское правительство, который должен уже вылиться в вооруженное восстание.

Опозоренный Стачечный Комитет, несмотря на прекращение политической забастовки, продолжал существовать, и тогда не только мы, но и меньшевики решили повести против него энергичную борьбу и создать в противовес ему Совет Рабочих Депутатов.

II

ПОЧЕМУ МЫ ЗАПОЗДАЛИ С ОРГАНИЗАЦИЕЙ СОВЕТА

ОТНОШЕНИЕ ПАРТИИ К СОВЕТАМ

Почему же мы раньше, во время забастовки, не осуществили своего первоначального намерения организовать Совет Рабочих Депутатов?

Первоначально было не до того. Забастовка проходила очень дружно. Наши небольшие в то время кадры революционеров-профессионалов были по горло завалены работой. Даже Комитет мог собираться лишь урывками, на короткое время, и ему пришлось выделить в качестве руководящего органа Исполнительную Комиссию, состоявшую из двух или трех человек. Кроме того, партия быстро приобрела огромный авторитет и популярность в глазах широких рабочих масс, и нам казалось, что она непосредственно, без содействия подсобных, а тем более беспартийных организаций, сможет руководить политической борьбой пролетариата. Еще невыявившаяся физиономия Петербургского Совета Рабочих Депутатов, председателем которого оказался беспартийный адвокат Хрусталев-Носарь, в свою очередь заставляла нас быть осторожными и не спешить с организацией Совета в Москве. Наконец, та позиция, которую первоначально заняли в отношении Советов центральные органы как большевиков, так и меньшевиков, имела для нас решающее значе-

ние. А какова была эта позиция, видно из резолюции, принятой Федеративным Петербургским Советом Российской Соц.-Дем. Рабочей Партии, т. е. организацией, временно объединявшей руководящие центры большевиков и меньшевиков.

Вот эта резолюция:

«Российская Социал-Демократия стоит в настоящий момент перед необходимостью открыто выступить в качестве партии пролетарских масс. На пути такого выступления она встречает политически неоформленные и социалистически-незрелые рабочие организации, создаваемые стихийно-революционным движением пролетариата. Каждая из таких организаций, представляющая известный этап в политическом развитии пролетариата, поскольку он стоит вне рядов Социал-Демократии, объективно оказывается перед опасностью задержать пролетариат на примитивном политическом уровне и тем подчинить его буржуазным партиям.

Одной из таких организаций является Петербургский Совет Рабочих Депутатов. Задачи Социал-Демократии по отношению к Совету состоят в том, чтобы побудить его к принятию ее программы и ее тактического руководства. В этих целях необходимо немедленно мобилизовать с.-демократические силы в организации Совета, дабы, опираясь на эти силы, провести в Совете с.-демократическую платформу.

По отношению к таким независимым организациям, насколько они стремятся взять на себя роль политических руководителей пролетарскими массами, тактика С.-Д. должна быть такова:

1) Убеждать такие организации принять программу с.-демократической партии, как единственно соответствующую истинным интересам пролетариата. По принятии этой программы, они, естественно, должны определить свое отношение к с.-демократической партии, признать ее руководство и в конечном счете раствориться в ней.

В случае, если эти организации не стремятся к политическому руководству, а остаются лишь чисто профессиональными организациями, они исполняют определенную, чисто техническую функцию.

2) В случае отказа со стороны подобных организаций принять нашу партийную программу и принятия иной какой-либо программы, с.-демократы должны выступить из них и разоблачать перед пролетарскими массами их антипролетарский характер.

3) Когда, наконец, организации отказываются принять ту или иную определенную программу и оставляют за собой право в каждом отдельном случае определять свою политику, с.-демократы останутся в них, доказывая как внутри этих организаций, так и в широких массах пролетариата всю бессмысленность подобного политического руководства и развивая свою собственную программу и тактику».

Эта резолюция содержалась в «Письме ко всем партийным работникам» Ц. К. Рос. Соц.-Дем. Раб. Партии от 27 октября 1905 года, но сущность отношения Ц. К. к Советам была известна нам уже раньше. Теперь ясно, что такое отношение к Советам являлось большой ошибкой, но тогда оно было господствующим среди большинства соц.-демократов, в том числе и меньшевиков. Роль Советов, как новых органов власти, как органов диктатуры пролетариата, была еще неясна.

Впрочем, мы в Москве, организуя Совет, отводили ему более крупную роль и отнюдь не считали его только «профессиональной организацией». В своей статье, написанной после первого заседания Московского Совета Рабочих Депутатов и выражавшей, несомненно, мнение большинства Московского Комитета партии, я писал:

«В целом ряде городов создались промежуточные боевые организации—Советы рабочих депутатов. Цель Совета Рабочих Депутатов—помочь объединению и руко-

водству политической и экономической борьбой пролетариата [1])».

Эти задачи, несомненно, шире, чем те задачи, которые преследуют «чисто профессиональные организации», каковыми считал Советы, согласно резолюции, Петербургский Федеративный Совет. Впрочем, уже в ноябре и В. И. Ленин смотрел на Советы, как на «боевые организации».

«Совет Рабочих Депутатов—писал он—не рабочий парламент и не орган пролетарского самоуправления, вообще не орган самоуправления, а боевая организация для достижения определенных целей [2])».

---

[1]) М. Южин, «Московский Совет Рабочих Депутатов», «Борьба» № 4 от 1/14 декабря 1905 года.

[2]) «Новая Жизнь», № 21 от 25 ноября (8 декабря) 1905 г.

III

МОСКОВСКИЙ ФЕДЕРАТИВНЫЙ КОМИТЕТ Р. С.-Д. Р. П.

Московский Совет Рабочих Депутатов был организован и приступил к работе лишь во второй половине ноября [1]. Я уже говорил, что заняться его организацией нас вынудило стремление противопоставить мелкобуржуазному и предательскому Стачечному Комитету чисто пролетарскую организацию, которая охватывала бы широкие массы беспартийных рабочих. В том, что идейное и политическое руководство в Совете будет принадлежать нам, мы уже не сомневались.

Организацию Совета осуществил Московский Федеративный Комитет Российской Социал-Демократической Рабочей Партии. Федеративный Комитет—это орган, который предназначался для регулирования общих выступлений большевиков и меньшевиков и знаменовал собой первый этап будущего объединения большевистских и меньшевистских организаций. В Москве он был образован в первых числах ноября, после того, как в Петербурге верхи наших организаций образовали Федеративный Совет РСДРП [2]. В то время у нас еще существовали иллюзии относительно революционности меньшевиков, а кроме

[1] Старого стиля.

[2] В литературе часто путают названия „Федеративный Комитет“ и „Федеративный Совет“, называя и Московскую Об'единенную организацию „Федеративным Советом“.

того, нас взаимно толкало к объединению соревнование с социалистами-революционерами, в мелкобуржуазной сущности которых уже тогда никто из толковых социал-демократов не сомневался.

Московский Федеративный Комитет состоял из четырех человек: от большевистской организации в него

В. Л. Шанцер (Марат).

М. И. Васильев-Южин.

вошли члены Исполнительной Комиссии М. К.—покойный В. Л. Шанцер (Марат) и я (М. И. Южин), от меньшевиков постоянным членом входил тоже ныне покойный Исуф, вторым—некоторое время была Зарецкая, а потом Исакович[1]).

В общем и целом у нас за время существования Федеративного Комитета больших трений и недоразумений с меньшевиками не было. Обыкновенно я заранее заготовлял проекты резолюций по всем вопросам, которые предстояло разрешить в Федеративном Комитете непосред-

---

[1]) В первое время в Федеративный Комитет от большевиков входил еще третий член, кажется, тов. Первухин, а от меньшевиков, кроме Исуфа, Розанов (Мартын) и Колокольников.

ственно или внести на разрешение в Совет Рабочих Депутатов. Перед заседанием мы с Маратом еще раз просматривали заготовленные резолюции, вносили необходимые поправки и затем дружно отстаивали наши предложения в Федеративном Комитете. Также заготовлялись и проекты воззваний от имени Совета Рабочих Депутатов и Федеративного Комитета. Меньшевики являлись на заседание обыкновенно без подготовленного материала, и нам сравнительно легко удавалось проводить свою линию и тактику. Если меньшевики упирались, мы напоминали им о возможности использования в Совете наших разногласий с эсерами, которые были представлены там некоторым количеством членов и входили на равных с нами основаниях в Исполнительный Комитет Совета. Этот аргумент оказывался для меньшевиков убедительным, и я не помню случая, когда бы мы выступали в Совете Рабочих Депутатов с разными, несогласованными заранее предложениями. Однако, взаимные переговоры и неизбежные дебаты брали все-таки очень много времени, тем более, что даже только устраивать совместные заседания было тогда, как известно, делом далеко не простым и не легким: нужно было подыскать подходящую конспиративную квартиру, обыкновенно где-нибудь на окраине города, куда приходилось плестись часто на своих двоих, ибо ни автомобилей, ни телефонов в нашем распоряжении, конечно, не имелось, а нанимать извозчика было и не по средствам и рисковано по соображениям конспирации. Все это брало очень много времени, а нас было тогда очень мало, все мы были по горло завалены работой, и каждая минута у нас была на счету [1]).

[1]) Каждый из немногочисленных ответственных партийцев поневоле нагружался бесконечным рядом обязанностей и поручений. Припоминаю для примера о своих обязанностях. Я был членом Московского Комитета, членом его Исполнительной Комиссии, членом Федеративного Комитета, членом Исполнительного Комитета и Президиума Совета Рабочих Депутатов, заведывал агитацией, назначен был ответствен-

Еще одно замечание. Хотя в этот период в нашей практической совместной работе между нами и меньшевиками серьезных столкновений и не было, мы все-таки относились к ним с большим и понятным недоверием. Все время приходилось быть на-чеку, остерегаясь, как бы почтенные союзники не обманули, не запустили невзначай спрятанным за пазухой камнем. Вероятно, и меньшевики платили нам такой же монетой. Это настроение невольно лишало нас твердой уверенности, мешало быстроте и энергии действий, гибкости тактики, т.-е. лишало нас того, что особенно необходимо в острые моменты революционной борьбы. Думаю, что и Петербургский Федеративный Совет, о деятельности которого пока имеется очень мало сведений, находился в таком же положении. Ненадежный союзник только мешает.

ным редактором газеты Московского Комитета „Вперед", должен был входить от Московского Комитета в состав редакции газеты „Борьба" (ибо мы с некоторым недоверием относились к направлению, вернее, выдержанности этой газеты, так как в состав ее сотрудников вошли некоторые заведомые меньшевики, напр., П. П. Маслов), представительствовал от имени Московского Комитета в ответственных собраниях (напр., на ноябрьском с'езде Крестьянского Союза), писал или редактировал прокламации, выступал в качестве агитатора на рабочих собраниях и т. д. и т. п. В таком же положении были и все ответственные партийные работники. Разумеется, справляться со всей массой этой работы было свыше человеческих сил, хотя мы частенько работали круглые сутки.

IV

БОРЬБА С МОСКОВСКИМ СТАЧЕЧНЫМ КОМИТЕТОМ

Организация Московского Совета Рабочих Депутатов началась по крайней мере с первых чисел ноября[1]). И мы, и меньшевики приступили к организации Совета главным образом потому, что хотели противопоставить его Московскому Стачечному Комитету[2]), достаточно обнаружившему свою предательскую мелкобуржуазную сущность. Мы стремились вырвать из под руководства и влияния адвокатов и инженеров тех рабочих, представители которых в процессе забастовки попали в Стачечный Комитет. Борьба, помнится, была упорная и ожесточенная. Кончилась она нашей победой.

Наши газеты («Вперед» и «Борьба») в то время еще не издавались, поэтому невольно приходится разыскивать следы этой борьбы в буржуазной печати. Так, «Русское Слово» еще в начале ноября сообщает:

«Последнее заседание Стачечного Комитета представляло интерес в виду того, что на этом собрании должен

---

[1]) Старого стиля.

[2]) Поэтому совершенно неправильно указание тов. Троцкого, что Московский Стачечный Комитет развился потом в Московский Совет Рабочих Депутатов (Л. Троцкий, 1905 год, изд. 4, стр. 120, примеч.). Не понимаю, на основании каких данных тов. Троцкий вывел такое заключение.

был так или иначе разрешиться весьма острый вопрос. Время выдвинуло на очередь вопрос о реорганизации Стачечного Комитета; многие входящие в него группы пришли к сознанию, что разнородный состав Стачечного Комитета, в который входят не одни элементы пролетариата, мешает этому Комитету руководить рабочим движением. Поэтому целесообразным было бы образовать Стачечный Комитет только из представителей рабочих групп. После долгих прений собранию было предложено остановиться на резолюции, упраздняющей Стачечный Комитет и дающей возможность возродиться специально создаваемому Московскому Совету Рабочих Депутатов; резолюция эта составлена была в следующих выражениях: «Московский Стачечный Комитет, находя дальнейшее свое существование нецелесообразным, объявляет себя распущенным и предлагает всем рабочим и служащим, в нем представленным, организовавшись, примкнуть к создаваемому Московскому Совету Рабочих Депутатов»[1]. Громадным большинством резолюция эта была отвергнута»[2].

Другого ответа мы на нашу резолюцию от Стачечного Комитета и не ожидали. Довольно правильно охарактеризованы Стачечный Комитет и наше отношение к нему в письме тов. С. Голубя, приезжавшего в Москву в качестве делегата от Петербургского Совета Рабочих Депутатов, к Хрусталеву, при аресте которого письмо это было отобрано и затем использовано московской судебной палатой в деле «О корпорации городских рабочих и низших служащих московского городского управления» (№ 527, т. IУ—1906 г.). Письмо это приводится тов. Максаковым в его статье о Московском Совете Рабочих Депу-

---

[1]) Резолюция, насколько помнится, была составлена в более резких выражениях. Она была составлена мной и предварительно рассматривалась в Федеративном Комитете.

[2]) „Русское Слово“ № 291, 5/18 ноября 1905 г. „В Стачечном Комитете“.

татов, помещенной в сборнике «Декабрьское восстание в Москве 1905 г.». Вот выдержка из этого письма[1]):

«Из минутной беседы с Исполнительным Комитетом (с Исполнительной Комиссией, очевидно. М. Васильев-Южин) Московского Социал-Демократического Комитета большинства мы узнали, что Стачечный Комитет Москвы совсем не то, что представляет собою Петербургский Совет Рабочих Депутатов, что там мало рабочих и преобладает буржуазный элемент вроде: представителей медицинского персонала, адвокатуры, союза равноправия женщин, судейских служак и т. д., одним словом, состав самый разнообразный и самый смешанный. И когда дальше мы узнали, что уже этот Стачечный Комитет доживает свои последние дни и на его место встает новый сильный «Совет Рабочих Депутатов», организуемый по инициативе Федеративного Совета (Комитета — М. В.-Ю.) Соц.-Дем. Раб. Партии, то перед нами во всей красоте встала вся эта история московской кутерьмы. Вот с этим-то богажем о ходе дел в Москве мы и явились на совещание с частью Хозяйственной Комиссии (тоже, что у нас Исполнит. Комитет) «Московского Стачечного Комитета». И, разумеется, не делая никаких пока практических предложений, старались выяснить положение вещей.

С первых же слов представители Стачечного Комитета заявили, что вопрос о целесообразности существования Стачечн. Ком. во время и одновременно с работой Совета Рабочих Депутатов, который возникнет, на общем собрании не обсуждался, ибо еще и Совета-то нет, но Конституционная Комиссия Стачечного Комитета заключила, что это ненормально, и двух одинаковых учреждений существовать не должно и что следует предложить новому Совету Депутатов войти в него. Затем последовало, что напрасно социал-демократы образуют Совет Депутатов,
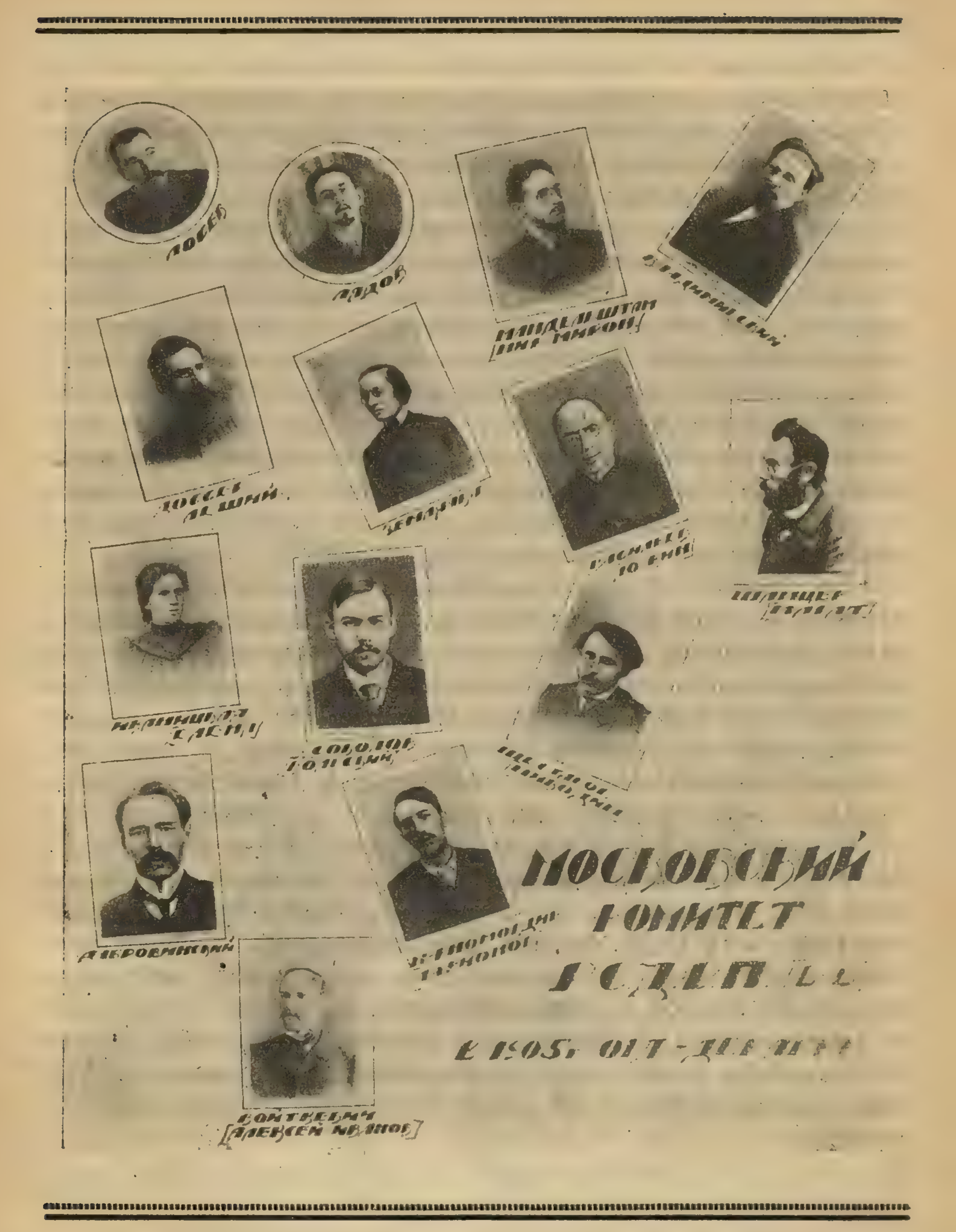
---

[1]) „Декабрьское восстание в Москве 1905 г.“ Гос. Изд., Москва — 1920 г., стр. 217—218.

что мы к ихнему голосу прислушиваемся и у нас уже сделаны значительные реформы, у нас есть порядочная сумма денег, рабочих у нас действительно мало, но все-таки в наш Комитет входят (оставлено незаполненными несколько строк)...

Затем на заседании Федеративного Совета (Фед. Комитета—М. В.-Ю.) мы выяснили себе окончательно, что организуемый Совет Рабочих Депутатов имел уже несколько предварительных собраний, на которых присутствовало до 200 делегатов, что в него входят представители семидесяти производств и что в понедельник 21 ноября будет полное собрание делегатов, после которого Совет вступит в силу и уже официально объявит себя Московским Советом Рабочих Депутатов. Как таковой он будет действовать и вступать в сношения с другими организациями и городами».

Убедившись, что Стачечный Комитет не желает самоупраздняться и не хочет также выпускать из-под своего влияния попавших в него рабочих, мы повели усиленную агитацию среди самих рабочих, убеждая их отозвать своих представителей из Стачечного Комитета и связаться с организуемым Советом Рабочих Депутатов. Правда, представителей рабочих организаций и предприятий в Стачечном Комитете было сравнительно немного, но туда входили представители такого крупного и влиятельного союза, как «Союз работников печатного дела», фактически начавших, как известно, октябрьскую забастовку. Меньшевики одно время выдвигали идею объединения Совета со Стачечным Комитетом, но мы решительно против этой мысли запротестовали. Меньшевики довольно легко согласились с нами. Уже к средине ноября нам удалось убедить работников печатного дела, которые находились под преимущественным влиянием меньшевиков, отозвать своих делегатов из Стачечного Комитета. Вот выдержка из отчета о собрании работников печатного дела, на котором было принято это решение:

ЛОСЕВ
ЛЯДОВ
МАНДЕЛЬШТАМ
[НИК. МИРОН]
ДУБРОВИНСКИЙ
ВОЙТКЕВИЧ
[АЛЕКСЕЙ ИВАНОВ]
МОСКОВСКИЙ
КОМИТЕТ

«Принмая во внимание, что Стачечный Комитет не представляет из себя истинно-рабочей организации, и что в настоящее время для необходимого объединения всех действий организуется Совет Рабочих Депутатов, общее собрание постановило: 1) отозвать своего представителя из Московского Стачечного Комитета; 2) содействовать возникновению правильно избранного Совета Депутатов; 3) предложить правлению на предстоящем первом собрании Рабочих Депутатов являться временным представителем московских рабочих печатного дела и вместе с тем организовать в возможно скором времени специальные выборы в Совет Депутатов; 4) настоящее постановление считать временным и окончательное решение постановить тогда, когда посланные делегаты сообщат подробно о составе Совета Рабочих Депутатов и тех задачах, которые он будет преследовать»[1])...

Последний (4) пункт резолюции отражает, очевидно, меньшевистское недоверие к делу, в организации которого самое энергичное участие принимали большевики. Впрочем, необходимо отметить, что впоследствии представители рабочих печатного дела принимали самое живое участие в деятельности Совета Рабочих Депутатов, а затем все рабочие-печатники дружно примкнули к декабрьской забастовке и мужественно участвовали в восстании.

В конце концов нам удалось отколоть от Стачечного Комитета все чисто-пролетарские организации, что вынужден был признать и сам Комитет. В утешение он решил «допустить в свой состав все организации непролетарского характера, не признающие забастовки выгодным средством борьбы с существующим режимом». Разве это не характерно для Стачечного Комитета, организованного буржуазными адвокатами, инженерами, докторами и т. д.? Вот газетный отчет об этом заседании Стачечного Комитета:

---

[1]) „Русское Слово“, № 302, 16/29 ноября 1905 г.

«В последнем собрании Стачечный Комитет подробно остановился на вопросе, как должна быть определена дальнейшая деятельность Комитета, в виду того, что из его состава ушли все пролетарские организации.

После прений решено было, что Стачечный Комитет должен продолжать свою деятельность наравне с Советом Рабочих Депутатов, так как он преследует совершенно однородные задачи, желая лишь объединить деятельность всех тех групп и организаций, которые не вошли в состав Совета Рабочих Депутатов и сфера влияний которых при объявлении забастовки не ограничивается пределами столицы, а, наоборот,—в силу естественных особенностей профессии распространяется на огромные расстояния и районы, как, например, почтово-телеграфный союз, союз железнодорожников и пр.

Для расширения своей деятельности и большего успеха предпринимаемой с правительством борьбы, Стачечный Комитет решил допустить в свой состав не только все организации непролетарского характера, не признающие забастовку выгодным средством борьбы с существующим режимом (курсив мой М. В.-Ю.), но и те пролетарские организации, которые по тем или другим основаниям не вошли в Совет Рабочих Депутатов» [1]).

В дальнейшем Стачечный Комитет, кажется, ничем не проявил себя. Во время декабрьского восстания о нем совершенно не было слышно.

[1]) „Русское Слово", № 321, 5/18 декабря 1905 года.

V

ПЕРВОЕ ЗАСЕДАНИЕ МОСКОВСКОГО СОВЕТА РАБОЧИХ ДЕПУТАТОВ

Московский Совет Рабочих Депутатов собирался на пленарные заседания всего пять раз. Я участвовал в первых четырех собраниях; пятое, т.-е. последнее собрание состоялось перед концом декабрьского восстания, когда я находился уже в Таганской тюрьме, и о нем я могу говорить лишь по чужим воспоминаниям и жалким обрывкам документальных данных.

Первое собрание Совета происходило, насколько помнится, 21-го ноября (4 декабря по новому стилю), хотя, если судить по газетным отчетам, оно как-будто приурочивается к 22-му ноября. Так, «Русское Слово» от 23 ноября (6 декабря) (№ 309) в соответствующем отчете сообщает: «Вчера состоялось первое заседание только что образовавшегося в Москве городского Совета Рабочих Депутатов». Думаю, что это просто редакционная оплошность, ибо печатание отчета, очевидно, запоздало на один день.

Петербургский Совет Рабочих Депутатов прочно обосновался в здании Вольно-Экономического Общества. У Московского Совета постоянного места оседлости не было. Использовать для собраний Совета здания высших учебных заведений, которые мы широко использовали в октябрьские дни для партийных собраний и митингов,

в ноябре было уже невозможно. Учреждения в роде Вольно-Экономического Общества в нашем распоряжении не было, и нам поневоле пришлось устраивать заседания Совета в различных помещениях. Впрочем, в конспиративном отношении это было весьма неплохо: за все время существования первого Московского Совета полиция ни разу не совала носа в его дела и на его заседания. Даже присно-памятное заседание Московского Совета 6/19 декабря, на котором было принято решение объявить всеобщую забастовку и начать вооруженное восстание, прошло, видимо, мимо недреманных очей московской полиции и охранки. В делах Московского охранного отделения не найдено почти никаких материалов, касающихся деятельности Московского Совета Рабочих Депутатов, за исключением тех, которые можно было почерпнуть из легальных газет. В 1912 году начальник охранного отделения сам признался в скудости сведений охранки по этому вопросу, отвечая на запрос начальника губернского жандармского управления [1]).

«В делах отделения—писал он—имеются указания, что в 1905 году действительно состоял «Московский Совет Рабочих Депутатов», объявивший 7-го декабря того года всеобщую политическую забастовку, с намерением перевести ее в вооруженное восстание, но *подробных сведений об этой организации и лицах, ее составивших, в отделении нет*» (курсив мой М. В.-Ю).

Где происходило первое собрание Московского Совета? В делах московской охранки имеются краткие показания почти о всех заседаниях Совета рабочего Прохоровской фабрики, некоего Сергея Дмитриева, который допрошен был охранкой 22 февраля 1906 г. Он, видимо, входил в состав Совета, ибо довольно правильно рассказывает о порядке дня заседаний. По его словам, «первое собрание было назна-

---

[1]) См. статью Максакова, стр. 214, в сборнике „Декабрьское восстание", изд. 1920 г.

чено на Поварской, в театре бывший Гирш» [1]). Так оно и было.

На первом собрании был сконструирован руководящий и исполнительный орган Совета Рабочих Депутатов, который, как и в Петербурге, именовался Исполнительным Комитетом [2]). Основным ядром Исполнительного Комитета являлись представители от революционных партий. Мы по-

Здание бывш. театра Гирш. Москва, угол Поварской (ныне Воровского) и Мерзляковского пер. В этом здании состоялось первое заседание МСРД.

уговору с меньшевиками предложили ввести в Исполнительный Комитет по два представителя от большевиков, меньшевиков и социалистов-революционеров с тем расчетом, чтобы в него вошел целиком Федеративный Комитет. Эсеры запротестовали, настаивая, чтобы большевики

---

[1]) Там же, стр. 219.

[2]) Но не Исполнительной комиссией, как неправильно сообщалось в отчете „Русского Слова" (№ 309 от 23 ноября 6 дек. 1925 г.)

и меньшевики рассматривались, как одна социал-демократическая партия. Голосованием предложение эсеров было провалено, при чем обнаружилось, что рабочих, принадлежащих к партии социалистов-революционеров, в Совете незначительное меньшинство. На московских фабриках и заводах их тоже было очень немного; наиболее сильную организацию социалисты-революционеры имели, кажется, на Прохоровской мануфактуре. Однако, даже слабая конкуренция социалистов-революционеров значительно содействовала сплочению между большевиками и меньшевиками [1]. Кроме 6 представителей от партий, в состав Исполнительного Комитета вошло человек 8 рабочих (кажется, все социал-демократы) в качестве представителей районов. Между прочим, районные советы стали функционировать чуть ли не раньше общегородского Совета.

Постоянного председателя в Совете не было; во всяком случае в качестве руководящего и рабочего органа действовал главным образом Президиум, состоявший из 6 человек из числа членов Исполнительного Комитета. В него целиком вошел Федеративный Комитет, т.-е. от большевиков В. Шанцер и я, от меньшевиков Исуф и еще кто-то, точно не помню. От эсеров входили Руднев, носивший тогда фамилию Бабкина и, кажется, Зензинов. Таким образом фактическое руководство Советом Рабочих Депутатов оказалось в руках социал-демократов. В виду того, что московские меньшевики в то время не выделялись особой злостностью, мы, повторяю, в общем работали довольно дружно.

По сообщению «Русского Слова», на первом собрании присутствовало около 180 депутатов, представлявших со-

---

[1]) Эсеры и тогда были по преимуществу салонными социалистами. Их московские светила носили смехотворно-кичливые прозвища: „Непобедимый“ (кажется, Фундаминский), „Жорес“ (Бунаков), „Солнце“ и т. под. Все эти светила совершенно не показывались в Совете Рабочих Депутатов, предпочитая сверкать (отраженным светом террористов) на собраниях либеральной буржуазии и буржуазной интеллигенции.

бой свыше 80.000 московских рабочих. Это соответствует действительности. Но ко времени декабрьского восстания количество депутатов несколько увеличилось. По данным, приведенным в первом номере «Известий Московского Совета Рабочих Депутатов», в это время в Совете было уже 204 депутата, избранных от 184 фабрик и заводов и представлявших по крайней мере сто тысяч рабочих. Во всяком случае это были сливки московского пролетариата.

«На всех крупных фабриках—говорится в «Известиях»— они выбирались всеобщим и прямым голосованием, и с полной уверенностью можно сказать, что это лучшие представители московских рабочих. Они близко знают рабочие нужды, они умеют разобраться, куда нужно идти рабочему; их решения есть голос всей рабочей Москвы, и Московский Совет Рабочих Депутатов внимательно и серьезно, с полным сознанием огромной ответственности, которая лежит на нем, принимает каждое постановление. И во всех своих решениях он дружно идет вместе с революционными социалистическими партиями, лишний раз показывая этим, что рабочий сознал, где его друзья, и прямой дорогой идет к социализму».

К сожалению, не сохранилось данных о партийном составе депутатов. Под конец там было довольно много большевиков, но большинство депутатов, помнится, называли себя беспартийными. В то время рабочим еще трудно было понимать разницу между большевиками и меньшевиками, почему они часто и называли себя, из осторожности, беспартийными. Но эсеров было во всяком случае немного, и фактически руководство Советом, повторяю, принадлежало нам.

На первом заседании Московского Совета присутствовал делегат Петербургского Совета Рабочих Депутатов тов. С. Голубь. Он приветствовал Московский Совет от имени его Петербургского собрата и подробно остановился на борьбе петербургского пролетариата в период с 9-го ян-

варя до последних дней. Вместе с тем он сообщил, что его командировали на Волгу и в некоторые другие города для агитации за организацию везде советов рабочих депутатов, предлагая и Московскому Совету послать с этой целью своего делегата.

Московский Совет в свою очередь постановил послать привет «своему старшему петербургскому брату», подчеркнув при этом, что «московский пролетариат спешно и энергично готовится к предстоящему решительному бою».

«Преступному союзу самодержавия и капиталистов рабочий класс всей России должен противопоставить свой грозный союз»[1]).

Выбор делегата для посылки в другие города вместе с делегатом Петербургского Совета было поручено сделать Исполнительному Комитету. По нашему настоянию был выбран большевик, рабочий-электротехник Миша Васильев, здравствующий и ныне.

Затем был сделан краткий доклад о революционном движении в войсках и флоте. Совет постановил приветствовать также всех братьев воинов, поднявших вместе с пролетариатом знамя борьбы за общую свободу, выразив уверенность, что «уже недалек тот день, когда пролетариат, революционное крестьянство и лучшая часть армии соединенными силами опрокинут ненавистное царское правительство».

После сентябрьско-октябрьской всеобщей забастовки стачечное движение в Москве на отдельных фабриках и заводах не прекращалось ни на один день. Да это и понятно. Московские промышленники привыкли беспощадно эксплоатировать своих рабочих, в значительной массе еще

---

[1]) Полной резолюции Совета не сохранилось. Беру выдержки из моей заметки «Московский Совет Рабочих Депутатов», помещенной в № 4 газеты «Борьба». В виду того, что эта статья является кратким отчетом о первом заседании Совета и вместе с тем излагает отношение нашей организации к Советам Рабочих Депутатов, я привожу ее целиком в приложении.

связанных с землей и поэтому по-крестьянски терпеливых и отсталых. Начав политическую забастовку, рабочие многих фабрик и заводов предъявили заодно экономические требования своим хозяевам. Поэтому-то рабочих особенно возмутило предложение Стачечного Комитета после опубликования манифеста 17-го октября прекратить все забастовки.

Хозяева, разумеется, с негодованием отнеслись к экономическим требованиям рабочих. Начались массовые увольнения рабочих и служащих. В первую очередь старались отделаться, конечно, от самых энергичных и влиятельных рабочих; были случаи увольнения депутатов, выбранных в Совет.

Обо всем этом были сделаны доклады на первом заседании Московского Совета. Нужно заметить, что и в Москве кое-где пытались по примеру петербургских рабочих ввести революционным путем восьмичасовой рабочий день. Хозяева ответили на эту попытку, также по примеру своих петербургских коллег, закрытием предприятий. Федеративный Комитет и партийные организации большевиков и меньшевиков полагали, что будет целесообразнее пока воздержаться от борьбы за немедленное введение восьмичасового рабочего дня, ибо, как показал опыт в Петербурге, такая борьба только истощает силы рабочих и отвлекает их внимание от подготовки к вооруженному восстанию, которое мы считали неизбежным и необходимым. Поэтому и в Совете мы рекомендовали рабочим в интересах сбережения сил и укрепления организаций, которые, как, наприм., профессиональные союзы, только что стали создаваться, прибегать к забастовкам лишь в крайних случаях, притом с ведома Совета. Советом было принято постановление, в котором указывалось, что забастовка допускается и даже рекомендуется лишь в следующих случаях: 1) когда хозяева отнимают уже отвоеванные права, в особенности право иметь свободно избранных депутатов и право устраивать собрания на заводах

и фабриках; 2) когда условия труда на данной фабрике или заводе значительно хуже, чем в других однородных предприятиях. Одновременно Совет постановил добиваться открытия тех предприятий, которые были закрыты из-за введения революционным порядком восьмичасового рабочего дня.

Было решено организовать при Совете кассу борьбы для сбора денег на оружие и забастовочный фонд для поддержания неизбежных все-таки частичных забастовок, ибо профессиональные союзы находились еще в зачаточном состоянии.

В заключение Совет постановил обратиться к рабочим и населению с следующим воззванием [1]):

«Товарищи! Наша борьба далеко еще не закончена. Нам предстоят еще жестокие схватки как с царским правительством, так и с хозяевами-капиталистами. Из октябрьской забастовки рабочий класс вынес драгоценную уверенность, что его мощь и стойкость зависят от его организованности и сплоченности. Только тесно сомкнув свои ряды, только братски поддерживая друг друга, явимся мы грозной, непобедимой силой. Рабочий класс раз навсегда убедился в этом, и теперь по всей России кипит мощная работа по организации и объединению. Московский Совет Рабочих Депутатов горячо призывает товарищей не отставать в этом великом деле от других городов. Пусть все товарищи, не успевшие еще выбрать на своих фабриках и заводах депутатов в Совет, поспешат сделать это. Торопитесь, товарищи, ибо день решительной битвы народа за свою свободу близок. Эта битва должна кончиться полной победой, так как у пролетариата на этот раз будут сильные союзники в лице революционного крестьянства и революционной армии. Будем же бодро и деятельно готовиться к решительному бою, и да здравствует победа! Да здравствует демократическая республика!

[1]) «Вперед» № 1, 2/15 декабря 1905 г.

Московский Совет Рабочих Депутатов призывает вместе с тем товарищей и всех граждан, сочувствующих делу пролетарской борьбы и народной свободы, оказать ему посильную помощь пожертвованиями как в кассу борьбы, так и в стачечный фонд, имеющийся при нем. Немало товарищей вынуждены бастовать и теперь. А подготовка к решительному выступлению потребует еще больше средств.

Московский Совет Рабочих Депутатов».

Таким образом, Московский Совет начал свою деятельность открытым и смелым призывом готовиться к вооруженному восстанию.

VI

ВТОРОЕ ЗАСЕДАНИЕ МОСКОВСКОГО СОВЕТА РАБОЧИХ ДЕПУТАТОВ

Второе заседание Московского Совета состоялось 27-го ноября. Собрался он в помещении Музея содействия труду, находившемся в доме Хлудова по Рождественке. На заседании присутствовало около 200 делегатов. Значительную часть времени заняло обсуждение чисто организационных вопросов.

Первоначально депутаты в Совет выбирались, как и в Петербурге, по одному на каждые 500 человек, но так как в Москве крупных предприятий оказалось сравнительно немного, то на втором заседании было постановлено, оставляя, как правило, прежнюю норму представительства, предоставить предприятиям с числом рабочих до 400 человек посылать в Совет также—по одному депутату. Рабочие предприятий еще более мелких должны были объединяться для выбора депутатов. Рекомендовалось устраивать, где это представлялось возможным, общие собрания рабочих нескольких предприятий, на которых и должны были выбираться депутаты из расчета один на 500 человек. В противном случае предлагалось проводить двухстепенные выборы: в каждом предприятии (или в нескольких небольших) выбирается один делегат на 50 человек, а затем делегаты на районном собрании выбирают уже то

Дом б. Хлудова. Москва, Рождественка. В этом доме состоялись второе и третье заседания МСРД.

или иное количество депутатов из расчета один депутат на 500 человек рабочих.

Поставлен был вопрос, имеют ли право профессиональные союзы посылать непосредственно от себя представителей в Совет Рабочих Депутатов. К этому времени успело организоваться уже довольно много профессиональных союзов. Далеко не все они были чисто пролетарские. Имея в виду опыт со Стачечным Комитетом, объединявшим по преимуществу непролетарские союзы, мы с понятным недоверием и осторожностью относились к представительству последних, опасаясь мелкобуржуазного засилья. Нужно заметить, что в организации пролетарских профессиональных союзов в 1905 году принимали участие главным образом меньшевики, у которых было значительно больше интеллигентных сил и практического знакомства с западно-европейским профессиональным движением. Большевики, по крайней мере московские, не могли выдвинуть достаточно сил для работы в профессиональных союзах. Естественно, что мы, большевики, в силу этого относились с некоторой опаской к представительству профессиональных союзов в Совете Рабочих Депутатов: мы боялись засилья в Совете меньшевиков. Меньшевики между тем настаивали, чтобы профессиональным союзам было предоставлено выбирать также по одному депутату на 500 членов, которые должны пользоваться правом решающего голоса. В результате довольно горячих прений было принято следующее компромиссное решение [1].

«1) Профессиональные союзы с числом членов более 500 чел., кроме депутатов, выбранных по предприятиям, посылают в М. С. Р. Д. одного депутата от профессионального союза. От профессиональных союзов с числом членов менее 500 чел. допускаются депутаты в М. С. Р. Д. по особом рассмотрении заявлений от таковых союзов.

2) Те профессиональные союзы, члены которых не выбрали депутатов в М. С. Р. Д. обычным порядком по пред-

[1] «Вперед» № 2.

приятиям, посылают депутатов, избранных союзом по общему расчету одного на 500 чел. Признается желательным, чтобы такие союзы приглашали на собрание для выборов депутатов в М. С. Р. Д. и рабочих той же профессии, не входящих еще в профессиональный союз».

В частности, тогда же был разрешен вопрос о представительстве в Совете почтово-телеграфного союза и союза торговых служащих (приказчиков): первому, как не чисто пролетарскому, было предоставлено послать в Совет представителя с совещательным голосом, а второму — с решающим (после некоторых споров)[1]).

Затем были рассмотрены заявления бастующих рабочих и просьбы о помощи. Выяснилось, что в тот момент бастовало около 16.000 чел.[2]). Между прочим было заслушано «сообщение депутатов с фабрики Жиро о провокации хозяина этой фабрики, толкнувшего рабочих на забастовку с целью дать им полный расчет». Совет постановил: заклеймить позорное поведение г. Жиро, оказать возможно широкую материальную помощь рабочим фабрики Жиро, объявить бойкот фабрике Жиро в такой форме, чтобы рабочие красильных фабрик отказывались обрабатывать фабрикаты с фабрики Жиро и чтобы места рассчитанных рабочих не занимались рабочими других фабрик; и, наконец, объявить бойкот магазину Жиро[3]).

Кроме того, на втором заседании Совета обсуждались два чрезвычайно важных политических вопроса.

Накануне, 26 ноября (9 декабря), в Петербурге был арестован председатель Петербургского Совета Рабочих Депутатов Хрусталев-Носарь. 27 ноября (10 декабря) мы в Москве уже знали об этом аресте. Носились слухи, что готовится арест всего Петербургского Исполнительного Комитета, а, возможно, и Совета. Ясно было, что прави-

---

[1]) „Борьба", № 5, от 2/15 декабря 1905 г.

[2]) „Русское Слово", № 315, от 29 ноября (12 декабря) 1905 г.

[3]) „Борьба", № 4, 1/14 декабря 1905 г.

тельство переходит в наступление. Мы, естественно, ждали, что Петербургский Совет Рабочих Депутатов не оставит без ответа наглый вызов царского правительства. В Москве рабочие уже были в достаточно накаленном состоянии, и нам приходилось сдерживать их от поспешных и разрозненных выступлений. Петербургский Совет Рабочих Депутатов не раз уже призывал петербургских рабочих к забастовкам и протесту по разным поводам. Казалось, что при нападении на него самого он должен ответить еще энергичнее. И Московский Совет вынес постановление:

«Чутко прислушиваться к ответу петербургских рабочих на дерзкий вызов правительства и присоединиться к борьбе, как только они решат дать сражение врагу».

К этому времени у нас уже выработался чисто боевой язык.

Не меньшее напряжение вызывали знаменательные события, имевшие место в самой Москве. Как раз 27 ноября вспыхнуло революционное движение в Ростовском полку, занимавшем Спасские казармы (на Сухаревской площади). Подробнее об этом событии, к сожалению неиспользованном нами, я буду говорить ниже. На заседании Совета было сделано сообщение о революционном настроении не только в Ростовском полку, но и в других частях Московского гарнизона, в частности в казачьих полках. С напряженным вниманием слушали депутаты нашу информацию, и некоторые из них в свою очередь делали любопытные и яркие добавления. Со стороны депутатов раздались энергичные требования немедленно использовать создавшееся настроение в войсках. Мы, разумеется, связывали движение в войсках с движением в крестьянстве, которое главным образом поставляло солдат для армии. В этом духе по моему предложению была принята резолюция, в которой говорилось:

«Уже не далек тот день, когда пролетариат, революционное крестьянство и лучшая часть армии опрокинут

ненавистное царское правительство. Пытаясь отдалить этот неизбежный конец, правительство не брезгает никакими средствами. Оно морит голодом на Дальнем Востоке полумиллионную армию, боясь ее возвращения в Россию. Выражая свое презрение трусливому царскому правительству, Моск. Совет Раб. Депутатов обращает внимание всего народа и всей армии на это гнусное преступление наших палачей. Спасти наших несчастных детей и братьев, изнывающих в далекой Манчжурии, может лишь ускоренное падение царского правительства. Поэтому Моск. Совет Раб. Депутатов призывает московский пролетариат с удвоенной энергией организоваться и готовиться к решительному выступлению, которое должно сопровождаться всенародным вооруженным восстанием и кончиться полным освобождением всего угнетенного народа» [1]).

Итак, Московский Совет и на втором заседании обратился к рабочим и армии с открытым и ясным призывом готовиться к вооруженному восстанию. Carthago delenda est!—Карфаген должен быть разрушен!—неустанно твердил он.

Эти воззвания и резолюции Московского Совета немедленно печатались в наших, тогда уже легальных газетах («Вперед» и «Борьба»). Насколько мне известно, Петербургский Совет Рабочих Депутатов с такими открытыми призывами к вооруженному восстанию не выступал. Удивительно при этом, что московская администрация, охранка, жандармерия, полиция ничего тем не менее не предпринимали до самого восстания ни против Московского Совета, ни против наших партийных организаций и газет. Очевидно, растерянность и дезорганизация московских властей были очень велики.

---

[1]) „Вперед“ № 2.

VII

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ В МОСКОВСКОМ ГАРНИЗОНЕ

ОРГАНИЗАЦИЯ СОВЕТА СОЛДАТСКИХ ДЕПУТАТОВ

Необходимость привлечь армию на нашу сторону, на сторону революции, была, конечно, очевидна для всех революционеров, а тем более для большевиков. При современном оружии и состоянии военной техники (а они были великолепны и в 1905 году) невозможно рассчитывать на успех восстания, если значительная часть армии не на стороне революции, а тем более—против нее [1]). И мы все-

[1]) Тов. Троцкий, рассказывая о настроении народных масс Петербурга в день опубликования конституционного манифеста, т.-е. 18 октября, воспроизводит свою речь, с которой он обратился к толпе на Васильевском Острове. В этой речи он между прочим говорил: „Трепов господствует над нами при помощи войска. Гвардейцы, покрытые кровью 9 января,—вот его опора и сила. Это им он велит не щадить патронов для ваших грудей и для ваших голов. Мы не можем, не хотим и не должны жить под ружейными дулами. Граждане! Нашим требованием да будет—удаление войск из Петербурга! Пусть на 25 верст вокруг столицы не останется ни одного солдата“. (Л. Троцкий, 1905, стр. 113, изд. 4).

Такое требование взято явно из арсенала старых буржуазных революций. Для революции 1905 г., в которой главную роль играли рабочие, оно уже не годилось. Задачей рабочих было не удалять войска, а привлекать их на свою сторону.

мерно старались завязать связь с армией, вести агитацию не только среди матросов и солдат, но и среди офицеров. Но к моменту революционного взрыва наша связь с войсками была все-таки очень слаба. Конечно, наша собственная слабость, недостаток собственных сил, которых не хватало на обслуживание революционной работы даже среди городского пролетариата, были одной из существенных причин нашего медленного завоевания армии. Конечно, и технические трудности проникновения в казармы для непосредственного влияния на солдат тоже играли некоторую роль. Но главной причиной, мне думается, являлось наше неумение подойти к армии, состоявшей в подавляющем большинстве из крестьян. Мы, социал-демократы, слишком мало говорили солдатам-крестьянам о земле, а ведь земля только и могла явиться реальным знаменем, способным увлечь крестьянскую армию и вообще крестьянство в революционную борьбу.

Наша старая аграрная программа, сулившая крестьянам возвращение «отрезков», хищнически захваченных помещиками при освобождении крестьян от крепостной зависимости, не могла, разумеется, удовлетворить крестьян, смертельно ненавидевших помещиков и мечтавших об отобрании у них всей земли. «Крестьянину нужна земля, и его революционное чувство, его инстинктивный первобытный демократизм не может выразиться иначе, как в наложении руки на помещичью землю»,—писал Ленин в 1905 г., накануне III съезда Партии[1]). Но и запоздавшая резолюция III съезда о крестьянском движении была недостаточно решительна. Она лишь поручала всем партийным организациям «пропагандировать в широких слоях народа, что социал-демократия ставит своей задачей самую энергичную поддержку всех революционных мероприятий крестьянства, способных улучшить его положение, вплоть до кон-

[1]) „Вперед“ № 12 от 16 марта 1905 г. В. Ленин: „В нашей аграрной программе“ (письмо III съезду).

фискации помещичьих, казенных, церковных, монастырских и удельных земель». Этого было, разумеется, мало. Нужно было не только «поддерживать» крестьян в их стремлении захватить всю землю и прежде всего помещичью, а бросить лозунг, призыв к такому захвату и широко распространять его как в крестьянстве непосредственно, так и в крестьянской армии.

Мы этого своевременно не сделали, и этим я объясняю коренную причину слабости наших позиций среди солдат-крестьян и крестьянства вообще. Далеко не случайность, что революционное движение в войсках ярче всего проявилось в 1905—1906 годах среди матросов. Во флоте служило много рабочих, для которых были понятны наши главные революционные лозунги как экономического, так и политического характера. Эти лозунги, например, требование восьмичасового рабочего дня, были в большинстве чужды и непонятны для солдат и крестьян. Наши политические требования стали бы для них более понятными и приемлемыми, если бы эти требования тесно связывались с лозунгом захвата всей земли. Уже в 1905 году и даже раньше нужно было сделать то, что мы сделали в 1917 году.

Эсеры выдвигали требование «социализации» земли, но эти мелкобуржуазные революционеры больше болтали, чем делали. Массовая работа была поставлена у них очень плохо и связи с войсками у них, видимо, были еще слабее, чем у нас. Все они мечтали быть «героями». И одни из них, как Каляев, Сазонов, действительно совершали героические подвиги, а другие эксплоатировали эти подвиги, рисуясь в качестве «возможных героев» в буржуазно-интеллигентских салонах. Но даже действительные эсеровские герои своими террористическими актами приносили скорее вред, чем пользу делу революции, ибо приучали массу к пассивности, воспитывали в ней тщетные надежды на освобождение при помощи отдельных героев.

Еще один минус. У нас не было своих специалистов, которые, хорошо зная военное дело, могли бы в решитель-

ный момент стать во главе восставших полков, целесообразно и быстро использовать их и обучить затем военному делу кадры восставших рабочих. Даже тех знаний военного дела, которые дала многим из наших товарищей империалистическая война 1914—1917 г.г., в 1905 году у нас не было. А сами мы, не смотря на настойчивые советы изучать военное дело, которые в свое время давал Ф. Энгельс, почти ничего не дали в этом направлении. Наши попытки привлечь на свою сторону кадровых офицеров давали очень ничтожные результаты. Старое офицерство было слишком тесно связано с интересами господствовавших классов, и лишь отдельные единицы проявляли некоторый интерес к политической борьбе, но только в лучшем случае были настроены по-эсеровски, в большинстве же шли не дальше скромных конституционных упований. Правда, в 1905 году еще не были демобилизованы многие из запасных офицеров-интеллигентов, призванных на действительную службу во время войны с Японией, но ведь и они мало чем отличались от кадровых офицеров. Во время гражданской войны после октябрьской революции 1917 года мы хорошо узнали цену этому офицерству. Единственно выдвинувшийся в 1905 году офицер был лейтенант П. П. Шмидт, но и он, как известно, был только «героем», не понимал значения масс в революции и не сумел своевременно и энергично использовать революционное настроение севастопольских матросов. К требованиям социал-демократов он относился отрицательно и выступал против них с обширными речами на матросских собраниях. В результате отсутствия правильного руководства и тесной связи партии с армией все военные восстания 1905—1906 г.г. вспыхивали стихийно и кончались неудачей.

В Москве наши связи и наше влияние в войсках были в 1904—1905 г.г. в общем также слабы, как и в большинстве других местностей России. Выпускались прокламации о хищнической войне с Японией, о зверствах правительства в отношении рабочих и т. п.; не систематически,

а скорее случайно пытались организовать среди солдат политико-просветительные кружки, агитировали отдельных солдат и т. д. Все это делалось разрозненно, непланомерно, от случая к случаю. Правда, в Москве, после октябрьской забастовки, был выделен Комитетом особый военный организатор, но его работой в войсках интересовались, за массой других дел, недостаточно серьезно.

Пытались мы в этот период завязать связи и с революционно-настроенными офицерами, но опять-таки недостаточно серьезно и настойчиво. Ярко помню случай демонстративного участия группы офицеров в похоронах тов. Н. Баумана, предательски убитого московскими черносотенцами в день опубликования октябрьского манифеста.

Москва явилась ареной невиданной до того в России революционной демонстрации. В похоронах приняло участие не менее ста тысяч населения. Впервые на улицы Москвы вышли стройными рядами десятки тысяч рабочих с бесчисленными красными флагами и плакатами. Процессия растянулась на несколько верст. С целью охранить порядок, молодежь, преимущественно студенты, держась за руки, устроили по обеим сторонам процессии длинную цепь. А впереди процессии выстроился весь Московский Комитет, все подпольные работники из районов [1]. Члены Комитета несли по очереди на руках, обитый красной материей гроб с прахом любимого товарища, и над ним гордо и грозно колыхалось красное бархатное знамя Московского Комитета, первое настоящее знамя рабочей революции, появившееся на улицах Москвы. Мы не пожалели денег на его сооружение, а товарищи-женщины просидели целую ночь, вышивая надписи и украшения на нем. «Пролетарии всех

---

[1] Через несколько дней мне показывали какой-то иллюстрированный журнал. Там была помещена фотография с процессии и гроба. Целый ряд товарищей из Комитета отчетливо вышли на фотографии. Марат и я как раз в этот момент несли гроб, идя впереди, и вышли особенно отчетливо. Удивительно, что охранка впоследствии не использовала эту иллюстрацию. Ее нужно найти и воспроизвести.

стран, соединяйтесь! Московский Комитет Российской Социал-Демократической Рабочей Партии»,—было вышито на одной стороне; «Да здравствует революция! Да здравствует социализм!»,—красовалось на другой.

Теперь этим никого не удивишь, но тогда в Москве, кишевшей полицией, жандармами, шпионами, это знамя, эти первые гражданские похороны, эта грандиозная, невиданная процессия явились огромной важности событиями.

Похороны Н. Е. Баумана 20 октября 1905 г.

Они необыкновенно подняли революционное настроение рабочих и даже обывателей. Огромные массы народа толпились на улицах, усыпали все балконы, окна и даже крыши. На многих балконах и окнах, за отсутствием красных флагов, были вывешены куски красной материи, красные ковры и даже просто красные одеяла. На гроб то и дело сыпались красные цветы.

Оркестра у нас не было, но тысячи голосов неумолчно пели—«Вы жертвою пали в борьбе роковой», и печальный похоронный марш, казалось, превращался в грозный гимн беспощадной мести и борьбы, в торжествующий гимн пер-

вой победы. Да, тов. Бауман и после своей смерти продолжал служить великому делу рабочей революции. Впрочем, в одном месте у нас появился и оркестр. Пройдя Моховую ул., процессия повернула на Большую Никитскую (ныне улица Герцена). Здесь тоже огромные толпы народа. Вот голова процессии приближается к консерватории. И вдруг раздается величественная, прекрасная музыка. Это большой, великолепный оркестр консерватории встречает процессию похоронным маршем.

Я, кажется, увлекся своими воспоминаниями и не сказал пока о самом главном, из-за чего собственно и стал рассказывать о похоронах тов. Баумана. Когда процессия, двигаясь от Лубянки, подходила к Театральной (ныне Свердловской) площади, живую цепь молодежи вдруг прорывает как раз против гроба довольно большая группа людей в военных шинелях. Сначала невольно создалось некоторое замешательство, мы инстинктивно хватаемся за спрятанные в карманах револьверы, думая, что это полиция хочет отнять знамя или задержать процессию. Но прорвавшиеся военные почтительно отдают честь праху нашего товарища и красному знамени, позади которого и выстраиваются затем тесными рядами, смешавшись таким образом с подпольными работниками и революционными рабочими. Оказалось, что это группа офицеров и вольноопределяющихся,—главным образом артиллеристы. Среди них был даже один полковник или подполковник, точно не помню. Впрочем они из осторожности закрыли погоны черным крепом. Всего их было человек 30.

Они провожали гроб до самой могилы, а на кладбище мы пришли уже в темноте. Больше того. Один из офицеров, кажется, тот самый полковник, о котором я упоминал, произнес над могилой прочувствованную речь, содержание которой я сейчас уже не помню [1]). Тогда же я

[1]) Пользуюсь случаем напомнить Московскому Комитету и Московскому Совету, что мы, члены тогдашнего Комитета, клялись над пра-

посоветовал нашему военному организатору немедленно познакомиться с этими мужественными офицерами, поддерживать с ними связь и как-нибудь свести с ними меня и Шанцера.

Такое свидание с несколькими артиллерийскими офицерами у меня единожды (кажется, уже в ноябре) состоялось; не помню теперь, был ли на этом свидании В. Л. Шанцер. Офицеры были очень сдержаны. В конце концов я прямо поставил вопрос, как они будут вести себя, если в Москве вспыхнет вооруженное восстание; можем ли мы расчитывать на активную поддержку с их стороны? Ответ был уклончивый. Офицеры говорили, что сделают все зависящее от них, чтобы удержать войска, по крайней мере артиллерию, от выступлений против нас; стать же активно на нашу сторону они смогут лишь тогда, когда убедятся, что на нашей стороне действительная сила, что победа за нами обеспечена (!?)

Ясно, что подобные союзники не могли считаться надежными. А между тем именно теперь больше, чем когда-либо, чувствовался у нас недостаток в опытном и преданном партии военном руководителе, ибо неизбежность и необходимость вооруженного восстания была для нас уже очевидна.

Среди солдат и даже казаков агитация велась своим чередом. Однако, тесной организационной связи с местными полками, повторяю, не было, и для нас самих в большинстве случаев являлись неожиданностью стихийные выступления солдат. Возбуждение среди солдат особенно усилилось к концу ноября. Вот что доносил, например, 26 ноября/9 декабря пристав 4 участка Мещанской части московскому градоначальнику барону Медему:

«Сего числа в столовой 3-го резервного саперного батальона собрались все солдаты с фельдфебелями, при чем

хом т. Баумана воздвигнуть при первой же возможности в честь его и других борцов первой революции гордый и прекрасный памятник. Обещание это пока не выполнено.

один из трех бывших там вольноопределяющихся, стоя на столе, держал к солдатам следующую речь: Завтра по два выборных от роты пойдут к командиру батальона и предъявят ему следующие требования: 1) немедленно освободить одного арестованного из батальона, который сидит за политические разговоры, а также, чтобы все арестованные из их батальонов были освобождены; 2) немедленно уволить всех запасных, выдав им при увольнении по 50 рублей и первосрочную одежду; 3) прекратить отдание чести офицерам (затем следовали более мелкие требования). «Если их требования не будут немедленно исполнены и командир вздумает за предъявление требований кого-либо арестовать, то немедленно взяться за оружие, освободить товарищей, арестовать всех офицеров, испортить сообщение (телефоны и телеграф) и идти к другим частям, чтобы все присоединялись, и все уже обещались присоединиться, лишь бы саперы дали сигнал. По словам вольноопределяющегося, отказался присоединиться только один какой-то драгунский полк. Во время речей вольноопределяющийся спрашивал солдат: «согласны-ли, товарищи, и кто согласен, поднимайте руки». Все отвечали—«согласны», и, поднимая руки, кричали ура. Вольноопределяющийся указывал на Кронштадт и советовал действовать также. В Кронштадте присудили 300 человек к смертной казни, но теперь их освободили и нам ничего не сделают. Представляемые мною настоящие сведения—достоверные; брожение в батальоне было, пропаганда велась и ведется усиленная, и завтра 27 числа с утра необходимо иметь достаточное число войск, дабы не дать возможности саперам осуществить их преступный замысел. На сходе были все солдаты 3 и 5 резервного батальонов и 3-й батальон Троицко-Сергиевского полка. Все эти войска расквартированы в казармах на Матросской улице вверенного мне участка» [1]).

[1]) Дело московского охранного отделения № 808 за 1905 год, «О движении среди войск Московского гарнизона». См. также статью профес. С. Сторожева в сборнике «Декабрьское восстание».

Собрания сапер происходили и 27 ноября/10 декабря, причем на одно из собраний пришел командир батальона, на приветствие которого солдаты не ответили. Об этом с тревогой сообщил телеграммой министру внутренних дел градоначальник Медем:

«Сего числа собравшиеся в столовой для выработки своих требований нижние чины саперного батальона не ответили на приветствие явившегося к ним командира батальона и не исполнили его приказания разойтись и выдать составленные требования. При этом вольноопределяющийся, поддержанный несколькими солдатами, заявил, что они не разойдутся, пока не окончат выработку требований. Настроение тревожное» [1].

Вместе с тем Медем написал собственноручно генерал-квартирмейстеру Шейдеману письмо, в котором сообщал:

«Судя по вчерашнему поведению сапер в казармах, возможно ожидать дальнейших осложнений, которые могут повлечь за собою неисчислимые бедствия в Москве. В силу возложенных на меня законом обязанностей, прошу ваше превосходительство доложить командующему войсками Московского военного округа, не будет ли признано возможным ныне же выслать сапер из города Москвы, заменив их более надежной воинской частью» [2].

Могу удостоверить, что как раз 27 ноября/10 декабря саперы предлагали нам начать вооруженное восстание и передать в наше распоряжение находившийся в их районе арсенал. Но об этом ниже.

Волнение одновременно охватило целый ряд полков Московского гарнизона (Несвижский, Перновский, Троице-Сергиевский и др.), но особенно остро проявилось оно в Ростовском полку, помещавшемся в Спасских казармах на Сухаревской площади.

---

[1]) Там же.

[2]) Там же.

Это было 27 ноября. Московский Комитет собрался почти в полном составе на заседание, которое происходило в одной из конспиративных квартир, помнится, где-то в районе Тверского бульвара. Отлично помню, что мы обсуждали выдвинутый В. И. Лениным проект изменений нашей аграрной программы; как известно, он предлагал внести в программу требование национализации земли. Вполне целесообразное требование,—жаль, что оно не было выдвинуто значительно раньше.

Спасские казармы, Сухаревская площадь. Внутренний двор.

Вдруг в комнату, где происходило заседание Комитета, вбегает крайне взволнованный и несколько растерянный наш военный организатор.

— Товарищи, восстание!.. Почти восстание!..

— Какое восстание?.. Где восстание?..

— В полку!.. В Ростовском полку...

— Да говорите же толком!

Несколько успокоившись, он рассказал нам, что знал. В этот день или накануне,—хорошо не помню,—в Ростов-

ском полку внезапно (думаю, что это было «внезапно» для нас и в частности для нашей военной организации) вспыхнуло бурное движение. Солдаты захватили винтовки и патроны, а также имевшиеся в полку пулеметы. Пулеметы в то время только-что вводились в русской армии, хотя их с успехом применяли во время войны японцы. После мне говорили, что из 13 пулеметов, имевшихся в тот момент в Москве, 8 находились в Ростовском полку.

Офицеры трусливо бежали из казарм. Когда к казарме подъехал начальник дивизии, часовые, стоявшие у ворот, выставили штыки и не пустили его даже во двор. В то же время представители всех революционных партий свободно пропускались в казармы, и там в течение нескольких дней устраивались митинги.

Что явилось причиной или, вернее, предлогом неожиданного выступления ростовцев, я уже не помню, да, кажется, и наш военный организатор сказать нам этого не мог. Но главной причиной было, конечно, общее революционное кипение, которое в Москве достигло в конце ноября и в декабре своего максимума и, естественно, увлекало и солдат, тем более, что среди них было много запасных, призванных на действительную службу еще во время войны с Японией. Повидимому, в Ростовском полку больше связей было у эсеров. Во главе движения стояли, как и у сапер, вольноопределяющиеся. Охранка долго охотилась за двумя ростовцами-вольноопределяющимися—Шабровым и Миловидовым.

Московский Комитет стал горячо обсуждать создавшееся положение. Об этом я уже писал в одной из своих заметок о декабрьском восстании [1]. Мы предложили прежде всего нашему военному организатору сделать короткий доклад о положении дел в других полках и об их настрое-

---

[1] Сборник «Декабрьское восстание в Москве 1905 г.» Изд. 1920 г., стр. 35—40.

нии. По словам военного организатора, настроение было неопределенное, но скорее сочувствующее революции. Наших агитаторов охотно слушают даже донские казаки, особенно в первом Донском полку. Но рассчитывать можно было скорее на нейтралитет, чем на активную поддержку. Об описанных выше волнениях среди сапер он между прочим ни слова не говорил и, надо полагать, не знал. Ясно, что одного «нейтрального» настроеня было слишком мало.

Как же быть с Ростовским полком? Я лично предложил использовать революционное движение в Ростовском полку самым решительным и энергичным образом. Нужно бросить все силы в другие части, попробовать поднять и их, а Ростовский полк вывести на улицу, быстро захватить главные правительственные учреждения и Кремль, арестовать крупнейших представителей власти и полиции, овладеть складами оружия и вооружить рабочих, которые жадно искали оружие и, за неимением такового, ковали себе самодельные пики и кинжалы. Это против винтовок и пулеметов![1]

В защиту своего предложения я приводил, как мне и теперь кажется, достаточно серьезные соображения. Я указывал, что нам, хотим мы того или не хотим, все равно придется скоро принять бой, ибо правительство явно переходит в наступление. Только накануне, т.-е. 26-го ноября 9 декабря был арестован председатель Петербургского Совета Рабочих Депутатов Хрусталев. Министр внутренних дел Дурново объявил железные дороги на военном положении и издал приказ о принятии чрезвычайных мер против революционеров. Можем ли мы отступить без боя? Нет, не можем, ибо иначе рискуем потерять всякое доверие со стороны рабочих, которым мы неустанно твердили о неизбежности и необходимости вооруженного восстания. Нас назовут пустыми болтунами, если мы не используем явное восстание в Ростовском полку, которое может дать рабочим оружие и крепко связать их с солдатской массой. Использовать же Ростовский полк можно лишь одним

путем: возможно скорее двинуть его в бой. Ограничиваться теперь одними речами—значит наверняка погубить дело. Если мы не сумеем немедленно втянуть ростовцев в прямую борьбу, они неизбежно разложатся через несколько дней, а то и раньше, и движение будет задавлено. Это удручающе подействует на настроение остальных войск, и мы уже вовсе не сможем рассчитывать на их активную поддержку в неизбежном грядущем столкновении. Кроме того не нужно забывать, что нападать выгоднее, чем защищаться. У нас есть возможность нападать,—нужно ее использовать. Наконец, настроение остального гарнизона было далеко не таким пассивным, как это рисовал наш военный организатор. Целый ряд товарищей агитаторов отмечал чрезвычайно революционное настроение во многих частях.

Вот приблизительно те доводы, которые я приводил тогда. Однако, некоторые из товарищей решительно возражали против моего предложения. Они ссылались на неудачи, постигшие стихийные военные восстания в Севастополе, Харькове, Киеве, Кронштадте и т. д. и доказывали, что я толкаю Комитет на авантюру. Тов. Шанцер предложил немедленно известить Центральный Комитет партии о положении дел в Москве и ждать указаний из Петербурга, а до тех пор всеми силами удерживать Ростовский полк в положении готовности к выступлению. Мое предложение было отклонено, хотя за него все-таки голосовали человек 6 или 7 из членов Комитета. Комитет в это время, вместе с введенными недавно в его состав рабочими, насчитывал около 20 человек.

Я до сих пор убежден, что мы совершили тогда грубую непоправимую ошибку. Вечером того же числа состоялось заседание Совета Рабочих Депутатов. Едва я пришел туда, как мне сообщили, что какие-то солдаты хотят переговорить с кем-нибудь из руководителей Совета. Я вышел к ним. Передо мной стояли трое сапер. Один из них был фельдфебель.

Внимательно и осторожно распросили они меня, кто я такой. Убедившись, очевидно, что мне можно доверять, фельдфебель, наконец, сказал приблизительно следующее:

— Мы пришли сюда, как представители сапер. Мы знаем, что происходит в Ростовском полку. Саперы хотят сделать то же самое. У солдат многих других полков такое же настроение. Мы уже запаслись патронами. Под нашим караулом находится большой арсенал. В любой момент мы можем передать его вам. Присылайте надежных рабочих.

— Сколько у вас солдат?—спросил я.

— Тысячи две наберется.

— И все пойдут с вами?

— Думаем, что все. А если кто не пойдет—заставим.

— Подождите минуту, я переговорю с другими товарищами.

Немедленно отозвал я Марата (В. Л. Шанцера) и передал ему свой разговор с саперами.

— Слушай, Виргилий! Вот тебе наглядное доказательство, что мы сегодня совершили грубую ошибку. Нужно ее исправить, пока не поздно.

— Что же ты предлагаешь?

Немедленно вызвать военного организатора, собрать кого удастся из товарищей, устроить экстренное совещание и принять мой план. Его нужно привести в исполнение в течение суток. Даже за эту ночь мы можем сделать очень многое. Решайся, Виргилий!

Марат, казалось, заколебался. Но, подумав минуту, он отрицательно покачал головой.

— Нет, не уведомив Петербург, я не могу решиться на такой шаг. Да и Комитет подавляющим большинством отверг твое предложение.

— Но ведь ты видишь, что условия складываются явно в пользу моего плана. Помни, что потерянного не вернешь. Нужно всегда ковать железо, пока оно горячо.

— Авось не остынет в течение нескольких дней.

— Виргилий, подумай! Мы можем совершить историческую ошибку...

— Такая ошибка может случиться и с принятием твоего плана.

— Тогда ступай и объясняйся с саперами сам. Мне будет тяжело смотреть им в глаза.

В. Л. Шанцер был у нас в Комитете представителем Ц. К. Он пользовался у нас заслуженным уважением и авторитетом. Действовать без него или помимо него для меня было невозможно.

Подробностей разговора Марата с саперами я не помню.

Кажется, он убеждал их подождать с действиями несколько дней, но быть наготове и выступить по первому предложению Совета или партии. О том, как реагировал Совет Рабочих Депутатов на сообщение о волнениях в войсках, я уже рассказал выше.

Московские представители власти были, разумеется, очень встревожены брожением в войсках, а первые 2—3 дня после 27 ноября (10 декабря) находились, по слухам, в паническом настроении. Даже еще 2/15 декабря московский градоначальник послал министру внутренних дел следующую тревожную телеграмму:

«Обязываюсь доложить, что Ростовский полк в полном восстании, в Несвижском и саперном баталионе сильное брожение, остальные войсковые части наготове на случай военного бунта, так что столичный порядок поддерживаю двумя тысячами измученных полицейских чинов и жандармским дивизионом. Столичные невзгоды осложняются пятью стами бастующими почтальонами, пытающимися разбивать почтовые ящики и творить насилие над пожарными, развозящими почту. Положение серьезное, но надежды и сил не теряю на восстановление порядка. Аресты, кого нужно, продолжаю».

Но уже 4/17 декабря он имел возможность послать следующую успокоительную телеграмму:

«В Ростовском полку порядок восстановлен. Нижние чины сами указывают начальству зачинщиков и содействуют их задержанию. Главными агитаторами по их заявлению являются вольноопределяющиеся Шабров и Миловидов, которые сегодня бежали из полка. Меры розыска их приняты».

Да, в Ростовском полку порядок был, к сожалению, восстановлен. Солдаты полка, осужденные на бездействие, стали, как и следовало ожидать, быстро терять боевое настроение. Начались заминки с продовольствием. Дисциплина разлагалась, солдаты самовольно уходили из казарм. Этим воспользовались офицеры полка: они арестовывали одних солдат, уговаривали «покаяться» и выдать зачинщиков—других. Кажется, 3/16 или 4/17 декабря полк окончательно сдался на милость начальства.

Вот в этот промежуток между восстанием и сдачей Ростовского полка и была сделана попытка организовать Совет Солдатских Депутатов. Не помню уже, где было устроено собрание делегатов от всех революционно настроенных частей московского гарнизона. Оно состоялось, вероятнее всего, 2/15 декабря. Я, к сожалению, был занят какой-то срочной работой и на собрание не попал. Привожу здесь отчет о нем, помещенный в № 3 нашей газеты «Вперед» от 4/17 декабря:

«Вчера [1]) состоялось заседание Совета Солдатских Депутатов. На заседание явились представители Екатеринославского, Ростовского, Несвижского, Троице-Сергиевского полков, 1-го, 3-го и 5-го саперных батальонов, казачьего полка и Московского аптечного магазина (?). Были также представители военных организаций от обеих фракций Рос. Соц.-Дем. Раб. Парт., от партии соц.-революционеров и начальники боевых дружин. Из речей депутатов-солдат было выяснено, что настроение во всех полках приподнятое, что все сочувствуют революционному движению,

---

[1]) Отчет писался, очевидно, 3/16 декабря.

могут присоединиться к народному восстанию и во всяком случае стрелять в своих братьев не будут. Особенно повышенное настроение у солдат Екатеринославского полка, где сегодня должен состояться митинг, у солдат Несвижского полка и саперов.

Депутат Ростовского полка изложил положение дел в своем полку. Вчера, в 9 часов утра, солдаты устроили митинг, где еще раз были прочитаны выработанные комиссией требования. После обсуждения этих требований и незначительных поправок решено было представить их командиру полка. Решено было предъявить начальству экономические требования. Удовлетворено было только 7 требований, по словам депутатов, самых несущественных. К удовольствию депутатов командир полка заявил, что он подает в отставку и вверяет полк выбранному солдатами комитету. Небезынтересно отметить, что ростовцы не пустили начальника дивизии в казармы, когда он приехал для переговоров. Начальник дивизии посидел в собрании, подождал, подождал депутатов, да так ни с чем и уехал.

Днем ростовцами был устроен 2-й митинг, куда пришли депутаты от Екатеринославского, Самогитского, Астраханского и некоторых других полков, почтово-телеграфные чиновники [1]), депутаты от революционных партий и Совета Рабочих Депутатов. Речь каждого оратора принималась восторженно и покрывалась шумными и долгими аплодисментами. Каким большим влиянием ростовские солдаты пользуются среди солдат других полков, видно из следующего факта: Астраханский полк прислал на митинг депутата и спрашивал, можно ли астраханцам заступать в городские казармы. Когда им был дан совет не исполнять караульную службу, они и не пошли.

На митинге пришли к следующему решению: все время быть в боевой готовности на случай уличного выступле-

---

[1]) У почтово-телеграфных служащих в это время шла всеобщая забастовка.

ния и войти, как можно скорее, в соглашение с другими полками.

Освободительное движение широким потоком разливается по армии, несмотря на отчаянные усилия господ начальников как-нибудь задержать, затормозить его могучее движение. И к каким только средствам они ни прибегали! Обещали царское вознаграждение—три рубля всякому, кто выдаст фамилии нижних чинов, бывших на митингах. Мера эта глубоко возмутила солдат и только: предателей не нашлось. Подсылали фельдфебелей как-нибудь тайком переписать участвующих. После весьма недвусмысленных угроз со стороны «крамольников», последние (фельдфебеля) крайне неохотно берутся за такого рода поручения и почти без всякого успеха. Остается, следовательно, направить свои удары не на многоголовую гидру, а на отдельные личности, имевшие несчастие попасться под руку отца-командира. И, как водится, попадаются большей частью неумелые, еще колеблющиеся люди. Горечь незаслуженной обиды, ни с чем не соразмеримая тяжесть наказания заставляют их открыто встать в ряды борцов за освобождение.

О других собраниях Совета Солдатских Депутатов я не знаю. Насколько помнится, их больше и не было, ибо уже через пять дней началась всеобщая забастовка и вооруженное восстание. Сдача Ростовского полка, разумеется, очень удручающе подействовала на настроение солдат в других полках. В то же время военное командование издало приказ о роспуске по домам мобилизованных солдат старших возрастов, которых было очень много в местных полках. Это был, несомнено, очень ловкий ход. Забастовка рабочих, особенно железнодорожников, могла теперь вызвать среди демобилизованных солдат, рвавшихся домой, скорее недовольство, даже вражду, чем сочувствие.

Нужно заметить, что московские рабочие чрезвычайно чутко относились к движению среди солдат, понимая, что, только имея их на своей стороне, можно расчитывать на победу. Вот, например, резолюция, которую вынес 2/15 де-

кабря на очередном собрании Пресненско-Хамовнический районный Совет Рабочих Депутатов:

«Собрание рабочих депутатов Пресне-Хамовнического района предлагает Московскому Совету Рабочих Депутатов чутко следить за революционным движением в войсках Московского военного округа, связаться тесно с войсками и сделать все возможное для того, чтобы согласовать движение в войсках с выступлением пролетариата. Собрание предлагает Совету Рабочих Депутатов считаться с возможностью военного восстания в Москве и обсудить вопрос, как поддержать братьев-солдат. Собрание считает со своей стороны нужным устраивать митинги и собрания по фабрикам и заводам, выяснять на них тесную связь между рабочим и солдатским движением в армии и необходимость решительной поддержки солдат в борьбе за свободу» [1]).

К солдатам обращались с призывом принять участие в совместной революционной борьбе и в вооруженном восстании не только партийные организации, не только Совет Рабочих Депутатов, но и отдельные фабрики и предприятия. Вот для примера письмо-прокламация сытинских рабочих, найденная 5 декабря около Александровских казарм и услужливо пересланная командиром полка в охранное отделение:

«Товарищи солдаты! Шлем вам привет и желаем вам всякого благополучия в политических и экономических нуждах. Товарищи, сытинцы назначили восстание в среду 7/20 декабря, и просим вас вступить в наши ряды и идти с нами, так как уже началось восстание в Несвижском, Самогитском и саперном баталионе, и они прислали нам ответ на нашу просьбу, что согласны выступить с нами вместе и идти на демонстрацию,—также и вас просим тоже; и они все те же товарищи солдатики, взяли по несколько винтовок для себя и для рабочих, и всех насчитывается около

[1]) «Борьба,» № 8, от 6 (19) декабря 1905 года.

3000. Товарищи, просим вас передайте всем вашим товарищам солдатикам, чтобы и они не опадали духом и бодростью в стачке с рабочим классом. И пособить мы можем вам как денежным, так и вещевым вспомоществованием,— об этом вы не беспокойтесь никто. Еще раз просим вас, чтобы вы захватили с собой патрон и принесли на фабрику Сытина на Пятницкую, так как у нас имеются винтовки, И просим 6/19 декабря принести, если можно, то пожалуйста. Прощайте, товарищи, остаются всегда готовые за свободу положить жизнь свою, мы, товарищи сытинцы. Пролетарии всех стран, соединяйтесь, товарищи!» [1])

Это яркое, бесхитростное и простое письмо-прокламация «товарищей-сытинцев» необыкновенно живо свидетельствует вместе с тем, как настроены были накануне декабрьского восстания московские рабочие. «Всегда готовые за свободу положить жизнь свою!..»

А старый, мудрый Плеханов сердито поучал их задним числом: «Не надо было браться за оружие!»

[1]) Дело охранного отделения № 808 за 1905 год.

VIII

ТРЕТЬЕ ЗАСЕДАНИЕ МОСКОВСКОГО СОВЕТА РАБОЧИХ ДЕПУТАТОВ

Третье заседание Совета Рабочих Депутатов состоялось вечером в воскресенье, 4/17 декабря, там же, где и второе, т.-е. в помещении Музея содействия труду на Рождественке.

На этом заседании предполагалось разрешить или по крайней мере наметить разрешение нескольких чрезвычайной важности вопросов. Поэтому Федеративный Комитет постановил ввести в Совет, хотя бы с совещательным голосом, возможно больше социал-демократов. С этой целью мы предложили Совету допустить на заседание в качестве гостей по 20 человек от каждой революционной организации, считая таковыми организации большевиков, меньшевиков и соц.-революционеров. Эсеры и на этот раз запротестовали. Сначала они предлагали совсем не допускать гостей, а когда Совет подавляющим большинством голосов постановил гостей допустить, настаивали, чтобы было допущено поровну от эсеров и социал-демократов, ибо большевики и меньшевики являются членами одной партии. При голосовании предложение эсеров собрало только 7 голосов. Даже этот маленький факт показывает, как слабо было влияние эсеров среди московского пролетариата.

Как и на втором заседании, перед Советом снова стали жгучие вопросы о событиях в Петербурге и о движении в войсках. Из Петербурга только что вернулись делегаты Совета, ездившие туда для установления связи с Петербургским Советом Рабочих Депутатов. Один из них, не помню кто, сделал доклад о последних петербургских событиях и о настроении петербургских рабочих. По его словам Петербургскому Совету Рабочих Депутатов едва удалось удержать рабочих от всеобщей забастовки в ответ на арест Председателя Совета Хрусталева. Совет Рабочих Депутатов выработал и опубликовал 2/15 декабря особый «манифест», призывающий население отказываться от взноса выкупных и всех других казенных платежей, требовать при всех сделках, при выдаче заработной платы и жалованья — уплаты золотом, брать из сберегательных касс и из государственных банков вклады, требуя также уплаты всей суммы золотом. Наконец, «манифест» об'являл о недопустимости уплаты долгов по всем тем займам, которые царское правительство заключает, ведя явную и открытую войну с народом [1]). Под «манифестом», кроме Совета Рабочих Депутатов, подписались также центральные комитеты всех социалистических партий и Главный Комитет Всероссийского Крестьянского Союза.

---

[1]) Об этом «манифесте», перепечатанном затем, вероятно, в большинстве газет Европы и всего земного шара, не мешает напомнить тем буржуазным государствам, которые добиваются теперь от нас уплаты по всем царским долгам. Не мешает напомнить им, а также всем, с позволения сказать, «социалистам» нынешнего II Интернационала и о другом документе, о воззвании Международного Социалистического Бюро тогдашнего II Интернационала, опубликованном им в 1906 г. по поводу диких преступлений царского правительства. В этом воззвании Исполнительный Комитет международного социалистического бюро писал:

«Мы должны оповестить всех имущих, что Русская республика, которая учреждена будет завтра, не станет платить займов, заключенных царем в целях поддержки банд убийц»...

(Перевод воззвания был напечатан в № 1 «Пролетария» от 26-го августа 1906 года, издававшегося в Москве).

Правительство ответило на издание «манифеста» конфискацией и приостановлением восьми петербургских газет, напечатавших «манифест», и арестом Исполнительного Комитета Петербургского Совета Рабочих Депутатов. Арест был произведен вечером 3/16 декабря, и мы в Москве 4/17 декабря знали уже об этом новом нападении царского правительства на «правительство рабочего класса», каковым уже тогда по существу являлся Исполнительный Комитет Петербургского Совета Рабочих Депутатов. Вернувшиеся из Петербурга делегаты утверждали, что петербургские рабочие ответят на арест Исполнительного Комитета всеобщей забастовкой, поэтому и московскому пролетариату необходимо быть готовым к активному выступлению.

Что мы вплотную подходим к решительному моменту, было ясно для всех нас, было ясно для всех депутатов Совета, было ясно для всех мало-мальски сознательных рабочих Москвы. Мрачная, дикая, беспощадная контр-революция начала и с каждым днем шире развертывала свое наглое наступление, грозя отнять и те ничтожные крохи уступок, которые с громадными жертвами и напряжением были добыты революцией в октябре. Что же делать революционному пролетариату? Отступить без боя перед этим наглым наступлением или дать ему жестокий отпор? Московский пролетариат решил не только дать отпор, но и самому броситься в наступление.

Федеративный Комитет предложил Московскому Совету присоединить и свою подпись к подписям под «финансовым манифестом» Петербургского Совета Рабочих Депутатов. Ниодного возражения против такого предложения не последовало. Наоборот, выступавшие по этому вопросу члены Совета подчеркивали, что само отношение правительства к манифесту ясно показывает, каким грозным оружием против него являются рекомендуемые манифестом меры. Единогласно была принята следующая краткая резолюция:

«Обсудив манифест Петербургского Совета Рабочих Депутатов, Всероссийского Крестьянского Союза и Центральных Комитетов революционных партий, Московский Совет Рабочих Депутатов постановил: 1) присоединить к нему свою подпись и, 2) предпослав манифесту небольшое воззвание, отпечатать его в достаточном количестве экземпляров и распространить среди населения» [1]).

Нужно заметить, что в Федеративный Комитет и в Исполнительный Комитет Совета Рабочих Депутатов вскоре после их возникновения стали поступать всевозможные предложения, пожелания, проекты, жалобы, резолюции и т. п. Такие бумаги и даже телеграммы получались не только от граждан и организаций Москвы, но и из других городов. Помнится, были получены по железнодорожному телеграфу телеграммы очень революционного содержания из Нижнего-Новгорода, Рязани и ряда других городов. Однажды, еще за много дней до издания Петербургским Советом финансового манифеста, в Федеративный Комитет поступило и даже обсуждалось в нем предложение какого-то банковского чиновника предпринять бойкот бумажных денег и прекратить уплату всяких прямых налогов. Этим путем он проектировал «бескровно» и быстро свергнуть царское правительство. Во всяком случае во время обсуждения в Московском Совете Петербургского манифеста выяснилось, что рабочие и служащие давно уже самостоятельно стали добиваться уплаты за работу золотом и вынимали вклады из сберегательных касс, требуя тоже выдачи звонкой монетой. Однако, на заседании Совета отмечалось, что хозяева ссылаются на отказ банков выдавать золото, а сберегательные кассы тоже не выдают золотом. Так, в одной из сберегательных касс (на Серпуховке) на требование уплаты золотом кассир ответил: «Обращайтесь в государственный банк,

[1]) «Борьба» № 8 от 6/19 декабря 1905 г.

а если там нет, поезжайте за границу... Там нашего золота много»[1]. Как раз в это время в газетах сообщалось, что правительство вывезло из России за границу 8 вагонов золота по 700 пудов в каждом вагоне.

Затем Совет приступил к детальному обсуждению вопроса о том, как реагировать на арест Исполнительного Комитета Петербургского Совета Рабочих Депутатов. В тесной связи с этим вопросом был заслушан информационный доклад о революционном движении в армии вообще и о событиях в Московском гарнизоне в частности. Как раз накануне или даже в этот день совершалось крайне прискорбное событие: было окончательно ликвидировано многообещавшее революционное движение в Ростовском полку. Докладчик объяснял причину этого события тем, что «Исполнительный Комитет полка выдал солдатам отпускные билеты; этим воспользовались офицеры и повели среди солдат контр-агитацию, в результате—не все явились на назначенный в воскресенье митинг, и собравшиеся посредством солдат из разных полков были арестованы»[2]. Однако, по словам докладчика, настроение в войсках продолжало оставаться бодрым и на других полках этот печальный факт мало отразился. В частности, обострилось движение в Несвижском полку. Когда потребовали роту этого полка для усмирения ростовцев, полк решительно отказался от этой позорной миссии.

Сообщение о подавлении ростовцев вызвало со стороны многих депутатов резкие, но справедливые упреки по адресу революционных партий и Исполнительного Комитета, не использовавших своевременно революционное движение в войсках московского гарнизона. Депутаты правильно опасались, что подавление ростовцев очень угнетающе отразится на этом движении.

---

[1] «Борьба» № 8 и «Вперед» № 4 от 6/19 дек. 1925 года.

[2] «Борьба» № 8 от 6/19 декабря 1925 года.

Но именно эти опасения, что дальнейшее разложение революционного движения в войска́х выбьет из рук рабочего класса самое сильное оружие, оторвет от него наиболее желательного союзника, с одной стороны, и логическая необходимость ответить на нападение правительства—с другой, заставили Совет и революционные партии поставить немедленно вопрос о всеобщей забастовке и вооруженном восстании в Москве.

«Большинство депутатов высказывалось в том смысле, что дальше ждать нечего. Довольно копить силы. Необходимо с завтрашнего же дня объявить всеобщую забастовку в Москве. Ряд депутатов указывал, что эта стачка уже не репетиция, а генеральный бой с самодержавием. Эта стачка должна перейти во всенародное вооруженное восстание. Надо взвесить всю важность нашего решения, и потому прежде, чем объявлять забастовку, надо выяснить всем нашим избирателям важность данной забастовки и той ответственности перед рабочим классом России, которую берет на себя Московский Совет Рабочих Депутатов, бросая первый лозунг всеобщего восстания!»— говорится в отчете об этом заседании, напечатанном в нашей комитетской газете «Вперед»[1]).

Да, мы все отлично понимали, какую ответственность принимаем на себя не только перед московским пролетариатом, но и перед лицом истории. Поэтому мы предложили привлечь к решению вопроса о забастовке и восстании по возможности всех сознательных рабочих Москвы. Было постановлено:

«Завтра (понедельник 5/18 декабря) утром поставить этот вопрос на обсуждение рабочих всех фабрик и заводов Москвы, и на следующем собрании Совета Рабочих Депутатов принять, в зависимости от решения пролетариата гор. Москвы, то или иное решение относительно призыва

---

[1]) «Вперед», № 4, от 6/19 декабря 1905 г.

от имени Московского Совета рабочих Депутатов к всеобщей забастовке»[1]).

Вместе с тем была принята следующая резолюция, определявшая отношение Московского Совета к текущим событиям:

«Московский Совет Рабочих Депутатов указывает рабочим на то, что правительство делает новую отчаянную попытку удержать в своих руках власть. В Петербурге арестовывается Совет Рабочих Депутатов, газеты закрываются и конфискуются, собрания разгоняются. Товарищи рабочие должны быть наготове. Совет Рабочих Депутатов указывает рабочим на то, что многие из московских полков готовы перейти на сторону восставшего народа. Приветствуя движение среди солдат, Совет Рабочих Депутатов призывает товарищей солдат прогонять начальников, устраивать революционое самоуправление и по данному сигналу перейти на сторону народа. Принимая во внимание все эти обстоятельства, Совет Рабочих Депутатов постановляет, что московские рабочие должны быть готовы в каждый данный момент ко всеобщей политической забастовке и вооруженному восстанию [2])».

Перед нами, естественно, может стать вопрос: знал ли Центральный Комитет партии о готовившемся в Москве восстании? Знал ли, в частности, тов. ЛЕНИН об этом?

Этот вопрос почти совершенно не освещен в нашей исторической литературе. Постоянные сношения московской организации с Ц. К. лежали на покойном В. Л. ШАНЦЕРЕ (Марате), являвшемся представителем ЦК в Москве. Выше я уже говорил, что он настоял, чтобы о восстании в Ростовском полку и вообще о создавшемся в Москве положении был уведомлен ЦК, который и должен был решить окончательно, как нам действовать. В каком смысле, кому и как был сделан этот доклад, я сказать не могу. События

---

[1]) «Вперед», № 4, от 6/9 декабря 1905 г.

[2]) „Борьба“ № 8 от 6/19 декабря 1905 г.

развернулись затем так быстро и бурно, что подробно говорить об этом с покойным Маратом у меня просто не было возможности. Если мы и говорили с ним на эту тему, то теперь я не могу припомнить не только подробностей, но и существа разговора. Кажется, Марат сам выезжал для доклада в Петербург. Но и этого сказать с уверенностью я не могу. Этот пробел в моих воспоминаниях, быть может, пополнят другие товарищи. Несколько раз я собирался поговорить с Владимиром Ильичем Лениным, знал ли он о готовившемся у нас восстании и помнит ли доклад Марата на эту тему. К сожалению, этого не удалось сделать своевременно.

Но, очевидно, в связи именно с докладом тов. Шанцера, в Москву в первых числах декабря приехал из Петербурга член ЦК, тов. Любич (Самер), который, к сожалению, тоже умер. Об его миссии и переговорах с нами упоминает тов. Доссер (Леший) в своей статье, помещенной в сборнике «Декабрь 1905 г. на Пресне». Но его воспоминания, вообще содержащие массу ошибок, в этой части особенно являются странными и произвольными. Он сообщает:

«3 или 4 декабря приехал из Петербурга «Вадим» (Любич) с поручением предложить Московскому Комитету взять на себя инициативу вооруженного восстания. «Вадим» явился в бюро Комитета, где после споров больших и с большим раздумьем решили принять директиву центра к исполнению. Мы сомневались и в своих силах, и в готовности масс к решительному бою; кроме того, нам казалось более правильным в момент, требующий дружного выступления, начинать с менее надежного города (?!), в Москве же мы были уверены больше, чем в Петербурге, где чувствовалось уже пониженное настроение».

Здесь правильно только то, что в присутствии тов. Любича очень серьезно и всесторонне обсуждался вопрос о возможности вооруженного восстания в Москве. Неправильно, что тов. Любич передал нам, как директиву ЦК, предложение «взять на себя инициативу вооруженного вос-

стания». Наоборот, он предупредил нас, что на помощь Петербурга особенно рассчитывать нельзя, ибо петербургские рабочие слишком истощены предыдущей борьбой и многичисленными забастовками. И уже совершеннейшим вздором являются упоминаемые Доссером доводы, которые мы будто бы приводим в противовес директиве ЦК. «Нам казалось более правильным начинать с менее надежного города»... Что за нелепость! Выслушав такие глубокомысленные доводы, член ЦК, тов. Любич, должен был бы прежде всего устранить нас от всякой руководящей работы. Во всяком случае ни Марату, ни мне и в голову не могли притти такого рода соображения.

Надо полагать, что тов. Любич приехал в Москву, чтобы на месте проверить, насколько серьезно было у нас положение. Повторяю, что он скорее старался сдерживать нас, и именно после совместного с ним обсуждения мы постановили привлечь по возможности широкие массы московского пролетариата к решению вопроса о забастовке и восстании. Сознаюсь, что лично я энергично настаивал на необходимости и неизбежности для нас вооруженного восстания. Помню даже, что в подкрепление своих доводов я приводил известные цитаты из «Революции и контрреволюции в Германии» Энгельса[1]):

«Во всякой борьбе совершенно неизбежно, что тот, кто поднимает перчатку, подвергается опасности быть побежденным. Но разве это основание для того, чтобы с самого начала объявить себя разбитым и подчиниться, не извлекая меча? Всякий, кто в революции командует решительной позицией и сдает ее, вместо того, чтобы заставить врага отважиться на приступ, заслуживает того, чтобы к нему относились, как к изменнику».

И еще:

---

[1]) Только все мы считали тогда автором этого произведения К. Маркса. Лишь в 1913 году было установлено, что статьи „Революция и контр-революция в Германии" были написаны Ф. Энгельсом.

«Поражение после упорной борьбы—факт не менее революционного значения, чем легко выигранная победа».

Указывал я и на то, что мы слишком много и часто твердили московским рабочим о необходимости вооруженного восстания, слишком сроднили их с этой идеей, чтобы безнаказанно отказаться от нее при первом нажиме со стороны правительства. Рабочий класс не простит нам такого малодушия, а забастовка и восстание все-таки могут вспыхнуть, но только стихийно, неорганизованно, и тогда уже наверное безуспешно.

На этот раз и тов. ШАНЦЕР энергично поддерживал меня.

Мы вместе с тем прекрасно видели, что царское правительство стремилось ускорить события и вызвать пролетариат на преждевременный бой. Это соображение достаточно ясно было указано мной в статье «Правительство жаждет крови», напечатанной в № 4 «Вперед» от 6/19 декабря, но написанной, конечно, раньше [1]).

«Правительство спешит вызвать революционный народ на решительный бой... Одновременно царское правительство старалось наглыми выходками раздразнить пролетариат и вызвать его на улицу, под пули»—писал я в этой статье. И тем не менее мы решили, по вышеуказанным соображениям, ответить восстанием на вызов правительства, ибо не начни мы восстания тогда, мы не имели бы его и вовсе. В Москве были бы произведены такие же аресты, как и в Петербурге, мы были бы разбиты без боя, без всякого сопротивления. Я убежден и ныне, что мы поступили правильно. Жертвы декабрьского восстания были ненапрасными. Наше «поражение после упорной борьбы» действительно явилось «фактом не менее революционного

---

[1]) Эту статью я целиком привожу в приложениях, ибо она являлась в некотором роде официозной, отражая взгляд руководящего большинства Комитета на необходимость вооруженного восстания.

значения, чем легко выигранная победа». Оно в значительной мере предопределило нашу победу в октябре 1917 года, ибо научило нас очень трудному искусству восстания. Оно уже тогда закрепило за партией симпатии и преданность рабочего класса. Как известно, при выборах во 2-ю государственную думу в Москве от рабочей курии прошли почти исключительно большевики. И это спустя очень короткий срок после декабрьского поражения.

Но возвратимся к поставленному мною вопросу об отношении ЦК партии к готовившемуся в Москве восстанию. За смертью Шанцера, Любича и Владимира Ильича разве только оставшиеся в живых члены ЦК того времени могли бы правильно ответить на этот вопрос. Они и должны это сделать, если могут и помнят. Документов, могущих иметь отношение к этому вопросу, очевидно, нет. Вопрос же этот достаточно интересен и важен.

Третье заседание Совета Рабочих Депутатов закончилось обсуждением мер борьбы с полицейско-черносотенным движением. По Москве усиленно распространялись слухи, что 6/19 декабря, в день именин царя, перед Кремлем на Красной площади будет отслужен торжественный молебен, после которого состоятся монархические демонстрации и будут учинены погромы мест, в которых собираются революционеры и революционные митинги. Говорили и об еврейских погромах, об избиении студентов и интеллигенции и т. п.

Совет Рабочих Депутатов принял по поводу этих намерений и толков следующую короткую, но внушительную резолюцию:

«Принимая во внимание сообщение о подготовляющихся черносотенных погромах и манифестациях, Московский Совет Рабочих Депутатов заявляет, что черносотенным выходкам правительства и его подлых агентов московский пролетариат даст самый решительный отпор» [1]).

---

[1]) «Борьба» № 8 от 6/19 декабря 1905 г.

Вместе с тем металлическим заводам было предложено посвятить следующий день (5/18 декабря) ковке холодного оружия, а дружинам организовать патрули вблизи мест молебствия; о принимаемых против черносотенных хулиганов мерах широко оповестить через газеты все население Москвы[1]).

Это постановление Совета, видимо, оказало свое действие. Правда, молебствие на Красной площади состоялось и даже была устроена патриотическая манифестация, но принимало в ней участие значительно меньше народа, чем ожидалось, а манифестация, кроме того, закончилась весьма своеобразно. По окончании молебствия, манифестанты с национальными флагами и с пением гимна направились по Тверской улице к дому генерал-губернатора (ныне помещение Московского Совета). Здесь манифестация остановилась и стала требовать к себе генерал-губернатора. Часть наших товарищей замешалась в толпу, вблизи сновали вооруженные револьверами дружинники.

Дубасов вышел на балкон и обратился к толпе с патриотической речью, прославляя «возлюбленного монарха» и понося злых и неблагодарных революционеров. Вдруг в толпе кто-то крикнул: «Дружинники идут!» Дубасов моментально скрылся, наиболее ярые патриоты тоже улепетнули в переулки. А в оставшейся толпе неожиданно затянули марсельезу. Кто-то из наших агитаторов, чуть-ли не тов. Седой,—обратился к толпе с короткой речью и предложил ей, вместо того, чтобы заниматься монархическими глупостями, отправиться на митинг в Аквариум. И большинство присутствовавших на площади с пением рабочей марсельезы (тогда еще не многие знали и умели петь гимн Интернационала) направились дальше по Тверской к Аквариуму, где особенно часто устраивались митинги. Среди толпы находилось немало охотнорядских приказчиков, еще недавно являвшихся заклятыми врагами

[1]) Там же «Вперед» № 4.

студентов и революции. У национальных флагов были моментально оторваны белые и синие полотнища, и получилась внушительная революционная демонстрация. Этот характерный эпизод лишний раз подчеркнул, как колоссально выросло ко времени восстания наше влияние на самые темные массы населения и как низко пал авторитет монархии и ее агентов.

IX

ПАРТИЙНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ И ЧЕТВЕРТОЕ ЗАСЕДАНИЕ СОВЕТА РАБОЧИХ ДЕПУТАТОВ

Четвертое заседание Совета Рабочих Депутатов, назначенное на 6/19 декабря, должно было окончательно решить вопрос о забастовке и восстании, вернее—подытожить мнение по этому вопросу московского пролетариата. Но мы уже вечером 5/18 декабря знали, каково это мнение. В течение всего этого дня по фабрикам, заводам и другим предприятиям и учреждениям происходили собрания, на которых обсуждался вопрос, поставленный Советом Рабочих Депутатов. Вечером же состоялись общегородские партийные конференции как у нас, так и у меньшевиков. Не помню, была ли такая же конференция у соц.-революционеров.

Наша конференция собралась на Чистых Прудах, в гимназии Фидлера. У нас уже тогда были ячейки почти на всех крупных фабриках и заводах Москвы. Согласно заранее намеченному порядку дня, решено было в первую очередь заслушать доклады делегатов из районов, преимущественно фабрично-заводских рабочих. Мы не хотели вступительными речами оказывать хотя бы тень давления на делегатов.

И вот один за другим, по вызову районных организаторов, выходят на трибуну или говорят с мест непосред-

ственные представители рабочей массы. И общий тон речей один: московские рабочие рвутся в бой.

— Рабочие нашей фабрики постановили, что дальше ждать нельзя!..

— У нас на заводе рабочие давно уже наковали себе пик и кинжалов!..

— У нас все говорят, что выступят сами, если Совет и партия будут молчать!..

Группа партийных товарищей 1905 г. Слева направо: Седой, Доссер, Смидович, Любич, Васильев-Южин, Лядов.

Вот что говорили на конференции большинство выступавших делегатов. И только некоторые из них отмечали, что рабочие, понимая необходимость забастовки и вооруженной борьбы, указывают на отсутствие оружия. Это были правильные указания: оружия у нас, за исключением

нескольких сотен револьверов, не было. Только рабочие фабрики Шмидта были вооружены последним довольно сносно. И все надежды рабочих невольно устремлялись к армии и московским солдатам. Поэтому понятно, что все присутствовавшие с напряженным вниманием выслушали доклад нашего военного организатора тов. Андрея (Васильева).

Он говорил, что революционное движение в войсках крепнет, наши связи растут, но сказать с уверенностью, что московские полки немедленно примкнут к восставшим рабочим, нельзя. Не только солдаты, но и казаки, даже многие офицеры уверяют, что стрелять в рабочих не станут, однако смогут перейти на нашу сторону лишь тогда, когда убедятся, что восстание серьезно, что мы располагаем большими силами.

Доклад его и на этот раз не был достаточно определенным. Только затем уже выступили с речами члены Комитета. Лишь Землячка и Евгений (от боевой организации) убеждали отказаться от восстания. Я и Станислав Вольский (Соколов) указывали, что восстание неизбежно и необходимо даже в том случае, если оно осуждено на неудачу.

Просит слово делегат от всероссийской конференции железнодорожных рабочих и служащих, как раз в это время собравшейся в Москве. Он заявляет, что конференция железнодорожников только что вынесла решение присоединиться к всеобщей политической забастовке и поддержать вооруженное восстание, если Московский Совет Рабочих Депутатов призовет к тому. Заявление встречается громом аплодисментов и восторженными криками одобрения.

— Голосовать!.. Голосовать!..—требуют делегаты.

Начинается голосование. Подавляющее большинство поднятием рук высказывается за забастовку и восстание. Решено предложить Совету Рабочих Депутатов объявить всеобщую забастовку с 7/20 декабря, всемерно стараться

организовать вооруженное восстание, под воззванием поместить подпись и Московского Комитета партии, как представителя московских большевиков.

Заседание объявляется законченным. Все расходятся в приподнятом настроении, но с серьезными лицами. Меня останавливает только что прибывший с меньшевистской общегородской конференции член Федеративного Комитета Исуф. Он сообщает, что и конференция меньшевиков подавляющим большинством голосов высказалась за всеобщую забастовку. Я поздравляю его с таким правильным и мужественным решением; он несколько смущен. Спешно мы сговариваемся устроить на следующий день утром собрание Президиума Исполнительного Комитета, в состав которого входили и двое эсеров, но предварительно собрать Федеративный Комитет. Я взялся подготовить проект воззвания, которое должно выйти от имени Совета и революционных партий.

Утром собрался, не помню уже где, Федеративный Комитет. Представленный мною проект воззвания был принят с незначительными поправками. Предварительно мы обсуждали этот проект с Маратом и сильно изменили его, но об этом я скажу ниже. В самом тексте окончательного проекта было указание, что пролетариат решил начать всеобщую забастовку и вооруженное восстание. Меньшевики предложили ограничиться в тексте более общими выражениями и призывами к забастовке, но согласились оставить в конце, как лозунг,—«Да здравствует всеобщая забастовка и вооруженное восстание»!.. Типичная для меньшевиков половинчатость и политическая трусость!

Затем был поставлен вопрос, как организовать руководство забастовкой и восстанием. Решили, что формально руководство будет предоставлено Исполнительному Комитету Совета, фактически же оно должно быть сосредоточено в руках Федеративного Комитета. К эсерам в одинаковой мере недоверчиво относились как мы, так и меньшевики. Но как использовать имевшиеся у них сред-

ства и силы? Меньшевики предложили образовать Информационное Бюро, в состав которого, кроме Федеративного Комитета, должны были входить два эсера и один представитель от железнодорожного Союза, бывшего тогда формально независимым и пользовавшегося среди железнодорожников большим влиянием. Но железнодорожный Союз, вероятно, пошлет в Бюро кого-нибудь из инженеров, несомненно, полукадета-полуэсера; нас четверо, а их будет трое,—как парализовать возможность чрезмерного влияния с их стороны? Ведь легко может случиться, что кто-либо из нас выйдет из строя или просто не явится на заседание,—тогда на их стороне может оказаться даже перевес. Постановили ввести в Информационное Бюро еще двух рабочих от Исполнительного Комитета Совета—одного большевика и одного меньшевика, а кроме того предоставить право совещательного голоса будущему редактору «Известий Моск. Совета Рабочих Депутатов». Вот к каким дипломатическим хитростям вынуждала нас прибегать уже тогда пресловутая «коалиция»!

Наконец, пришли представители эсеров. Один из них был Руднев (Бабкин), другой, кажется, Зензинов [1]). Приступили снова к чтению проекта воззвания. И тут не только мы, но и меньшевики были крайне изумлены политической трусостью, ограниченностью и умеренностью этих представителей хвастливой партии террористов. Они старались вытравить из воззвания всякое острое выражение, требуя нигде, даже в лозунгах, не упоминать слов «вооруженное восстание». Больше того, Руднев почему-то особенно настойчиво добивался, чтобы в воззвании не упоминалось даже требование «демократической республики», находя это требование слишком радикальным и пока неприемлемым для крестьян и «либеральной части общества», как он выражался. Повторяю, мы все были крайне изумлены этим пошлым оппортунизмом и «трезвой уме-

[1]) Ныне оба матерые контрреволюционеры.

ренностью» наших террористов, ибо все-таки еще считали их тогда революционерами, отрицая лишь то, что они являются социалистами. Мы единодушно отвергнули домогательства социалистов-революционеров, предлагая им не без коварства, сознаюсь в этом, внести свои поправки на заседании Совета Рабочих Депутатов. На это они не отважились.

Наступил вечер 6/19 декабря. Историческое заседание Московского Совета Рабочих Депутатов, наконец, открылось. На этот раз, если память мне не изменяет, оно происходило на Мясницкой, в доме Варваринского Общества [1]). Вероятно, этой переменой места заседания объясняется, что делегатов собралось несколько меньше, чем на предыдущих заседаниях. Всего на заседании присутствовало 120 человек; кроме делегатов от 91 производств в числе этих 120 человек находились также представители от всероссийской конференции железнодорожников, съезда почтово-телеграфных служащих и какой-то товарищ, выступавший затем от имени польского пролетариата [2]).

«Состоявшееся вчера, 6/19 декабря, заседание Московского Совета Рабочих Депутатов»,—сообщается в отчете о нем сотрудника газеты «Борьба», — «долго останется в памяти присутствовавших. Сознание важности стоящего на очереди вопроса—решение всеобщей забастовки—придало особый тон дебатам и заставило быть краткими в своих речах».

Все выступавшие на этом заседании действительно говорили кратко, как бы чувствуя, что время слов уже миновало. Началось заседание, как и партийная конференция, докладами делегатов с наиболее крупных фабрик, заводов и предприятий об отношении рабочих к забастовке

---

[1]) Как следует и из показаний упоминавшегося уже рабочего с Прохоровской фабрики Сергея Дмитриева.

[2]) «Борьба», № 9, от 7/20 декабря 1905 г. «В Совете Рабочих Депутатов».

и восстанию. Как и на конференции, депутаты единодушно подчеркивали, что рабочие требуют забастовки, что рабочие рвутся в бой. От некоторых предприятий были представлены и прочитаны резолюции, принятые на рабочих собраниях. Так, например, была оглашена следующая резолюция, принятая рабочими типографии Кушнерева (там главенствовали, кажется, меньшевики при том):

«Мы, рабочие типографии Т-ва Кушнерева, в общем собрании 5-го декабря, рассмотрев всесторонне вопрос о политической забастовке и вооруженном восстании, постановили следующее. Правительство сделало последнюю попытку нанести нам решительный удар: в Петербурге арестован Совет Рабочих Депутатов, собрания разгоняются. Мы готовы ответить на этот вызов правительства всеобщей забастовкой, надеясь, что она может и должна перейти в вооруженное восстание» [1]).

Вот тот язык, которым и в устных заявлениях и в записанных резолюциях говорили накануне восстания московские рабочие, независимо от того, кто ими руководил — большевики, меньшевики или социалисты-революционеры. Можно ли было отступать без боя при таком настроении рабочих масс!..

Затем слово было предоставлено делегату от железнодорожной конференции. Он заявил, что конференция считает необходимым немедленно объявить всеобщую забастовку и ждет только решения Совета для отдачи распоряжения об этом по всем линиям. Заявление было встречено громом аплодисментов.

Выступил с речью и приехавший из Варшавы для ознакомления с положением в Москве революционного движения польский социал-демократ, который отметил, что рабочие Польши и Литвы давно уже ведут вооруженную борьбу с царскими башибузуками и палачами, запаслись

---

[1]) «Борьба», № 9, от 7/20 декабря 1905 г. «В Совете Рабочих Депутатов».

оружием и всемерно поддержат начатое Москвой восстание.

Даже делегат от почтово-телеграфного съезда старался говорить боевым языком. От имени съезда он заявил, что, «хотя часть чиновников приступила к работам, но съезд приложит все усилия, чтобы при объявлении всеобщей забастовки почтово-телеграфные служащие всюду примкнули к ней» [1].

Работающих чиновников нужно дуть, товарищ! — посоветовал какой-то депутат-рабочий.

«Все говорившие по поводу забастовки ораторы, — подытоживает свои впечатления корреспондент «Борьбы», — единодушно высказались за немедленное объявление ее. «Московский пролетариат, — сказал один из ораторов, — с нетерпением ждет нашего решения, и мы должны его принять. Вся страна охвачена восстанием, и нам необходимо считаться с фактом».

Ставится на голосование проект следующего постановления:

«Московский Совет Рабочих Депутатов объявляет всеобщую политическую забастовку в среду, 7/20 декабря, с 12 часов дня, всемерно стремясь перевести ее в вооруженное восстание».

Постановление принимается единогласно [2]. Также единогласно принимается и предложенный от имени революционных партий текст восстания «Ко всем рабочим, солдатам и гражданам» [3]. Совет рабочих Депутатов постановил присоединить к нему и свою подпись.

---

[1] Борьба», № 9, от 7/20 дек. 1905 г. «В Совете Рабочих Депутатов».

[2] «Борьба», № 9. Конец этого постановления почему-то в отчете газеты отсутствует. Содержание постановления крупным шрифтом было напечатано в № 1 «Известий Совета Рабочих Депутатов».

[3] В печати текст воззвания появился с досадными опечатками и искажениями. Например, в подлиннике было написано: «А над «дей-

Руководство забастовкой и восстанием было поручено, как это наметил Федеративный Комитет, Исполнительному Комитету Совета Рабочих Депутатов и центральным организациям революционных партий, т.-е. фактически Федеративному Комитету, координирующему свои действия и распоряжения с другими организациями через Информационное Бюро.

Был поднят также вопрос, все ли общественно-необходимые предприятия должны бастовать. Опыт октябрьской всеобщей забастовки показал, что от недостатка хлеба и воды больше всего страдает сам же рабочий класс и вообще беднейшая часть населения, а зажиточная часть в большинстве имеет значительные запасы съедобного. На этот раз было постановлено:

«Водопровод во время забастовки продолжает работать. Булочные на окраинах могут быть открыты с разрешения районных советов рабоч. депутатов, при условии, что они не будут повышать цены на хлеб». Кажется, было прибавлено еще, что выпекать должны преимущественно черный хлеб. Решено было особенно строго следить за тем, чтобы были закрыты все винные лавки, пивные и т. п. учреждения. И, действительно, в дни восстания пьянство наблюдалось преимущественно среди полиции и солдат,

---

ствительно» неприкосновенной личностью» и т. д., а напечатано: «А над «действительною» неприкосновенною личностью» и т. д.; написано было: «обрекая их на нищету»,—напечатано: «обрекает на нищету»; было написано: «осознали»,—напечатано: «сознались»; писалось: «роспуска постоянной армии,—напечатано: «распущения»; наконец, было написано: «Да здравствует Всенародное Учредительное Собрание», напечатано—«всеобщее Учредительное Собрание» и т. п. Ошибки были допущены или при переписке воззвания, или при наборе и верстке. Подлинный текст воззвания, написанный моей рукой, вряд ли сохранился, но я хорошо помню его, ибо он тщательно, слово за словом, обсуждался сначала в заседании Федеративного Комитета, а затем совместно с эсерами. В приложениях я помещаю исправленный текст воззвания.

М. В. Ю.

подобранных для борьбы с восставшим населением. Трезвость повстанцев вынуждены были констатировать даже их буржуазные недруги.

Можно было опасаться, что разные темные элементы, например, такие подонки буржуазного общества, как воры, воспользуются восстанием для обделывания собственных делишек. Советом было предписано бороться с ворами и грабителями самым решительным образом, не останавливаясь перед расстрелами их на месте преступления. На некоторых баррикадах в дни восстания были вывешены, на ряду с красными флагами, и революциоными лозунгами плакаты с надписью — «Смерть ворам»! — Впоследствии по тюрьмам воры устраивали нам за эти надписи и нашу борьбу с ними всевозможные пакости. Но во время восстания грабежи и кражи резко сократились.

Был небольшой спор, запрещать ли печатание всех без исключения газет. Представители наших газет («Вперед» и «Борьба» просили сделать исключение для них. Может быть это было бы и целесообразно, особенно в интересах истории, но Совет Рабочих Депутатов не нашел возможным сделать это исключение. Было указано, что сотрудники наших газет могут доставлять материал в «Известия Московского Совета Рабочих Депутатов», выпуск которых должен был начаться с первых дней забастовки.

Этим закончилось четвертое и, по существу, последнее заседание Московского Совета Рабочих Депутатов самого первого призыва. Пятое заседание, созванное перед концом восстания, как увидим, было далеко неполным и обсуждало лишь вопрос об окончании забастовки и восстания.

X

АРЕСТ ФЕДЕРАТИВНОГО КОМИТЕТА

Наступило 7/20 декабря. С утра все партийные силы были брошены на заводы, фабрики и другие предприятия, где, согласно решению Совета и Комитета, были устроены собрания и митинги. Оставались лишь члены Исполнительной Комиссии партийного Комитета, которых ежечасно извещали из районов об отношении рабочих к объявленной забастовке. Призыв к забастовке и восстанию рабочие принимали везде восторженно, с горячим энтузиазмом. В рабочих районах устраивались уличные демонстрации. В 12 часов на многих заводах и фабриках торжественно и мощно прозвучали тревожные гудки, на большинстве вокзалов засвистали локомотивы: это рабочая Москва громогласно бросала вызов ненавистному самодержавию царя и капитала.

Забастовка началась.

Около часу дня собрался Федеративный Комитет. Перед нами стояли трудные вопросы: что же делать дальше? Как перейти к следующему шагу—вооруженному восстанию? Как привлечь войска на свою сторону? Как использовать их? Как вести технически-вооруженную борьбу?

Уныло молчали входившие в состав Федеративного Комитета меньшевики—Исуф и Исакович, возбужденно

размахивая руками, говорил о дружном начале забастовки т. Марат, а я больше чем когда либо досадовал, что среди нас нет опытного военного специалиста. Ведь по части техники восстания и боя все мы были абсолютные профаны.

Я спросил меньшевиков, нет ли в их организации надежных настоящих или хотя бы бывших офицеров. Они ответили отрицательно. На боевые таланты наших воен-

Члены Московского Комитета большевиков 1905 г. и другие товарищи того времени.

ных организаторов мы особеннно не полагались, но я все-таки предложил прежде всего создать при Федеративном Комитете боевой штаб или Военный Совет, в который привлечь наших военных организаторов и начальников боевых дружин. Должен ли весь Федеративный Комитет входить в состав Военного Совета или нам распределить между собой различные обязанности, покажет будущий опыт. С этим предложением все товарищи согласились, но осуществление его отложили до следующего дня.

Вечером предстояло собрание Информационного Бюро, на котором мы должны были встретиться с эсерами. Решили запросить у них, нет ли в их организации военных специалистов. Пока же постановили дать распоряжение по боевым дружинам энергично разоружать полицию и офицеров и сделать попытки к захвату оружейных магазинов, дабы хоть таким путем пополнить наши скудные запасы огнестрельного оружия. В дальнейшем предполагалось сделать налеты на полицейские участки, в которые, как мы знали, были отправлены винтовки для вооружения городовых. Ожесточенного отпора со стороны полиции особенно опасаться не приходилось. Уже за несколько дней до восстания были случаи вооруженного столкновения наших дружинников с полицией: городовые всегда в панике отступали или разбегались. Рабочие на окраинах уже давно приобрели себе револьверы, разоружая полицейских.

Больше всего надежд возлагали мы, разумеется, на войска. Но уже носились слухи, что в некоторых полках у солдат отобраны винтовки, а казармы охраняются усиленными нарядами часовых из надежных частей. Было предложено пока обратиться к солдатам с прямым призывом начать вооруженное восстание в своих частях и выходить с оружием на улицу для соединения с рабочими. Мне было поручено написать к вечеру такое воззвание с тем, чтобы оно могло попасть в следующий номер «Известий Совета Рабочих Депутатов», а отдельные оттиски предполагалось в сотнях экземпляров распространить по казармам. Вот все, что мы смогли пока наметить для непосредственного перехода от забастовки к вооруженному восстанию.

К сожалению, нам лично и этих намерений осуществить не удалось. Вечером в тот же день Федеративный Комитет был в полном составе захвачен наведенной на него полицией.

Уже стемнело, когда мы с Маратом пошли на собрание Информационного Бюро. Город был окутан угрюмым

мраком: все электрические и газовые станции забастовали, и на улицах не светилось ни одного фонаря. В окнах домов тускло мерцали свечи и керосиновые лампы. На улицах и площадях бросалось в глаза почти полное безлюдие, все магазины, лавки и даже ларьки были наглухо закрыты, а на привычных постах мы не встретили ни одного городового.

Вот обыкновенно шумная и людная Страстная площадь. Но и на ней тоже поразительное безлюдье и настороженная тишина. Лишь изредка громыхнет пролетка, жадно поглощаемая мрачной темнотой. Невольно чувствовалось и воспринималось разлитое кругом жуткое настроение тоскливой тревоги и ожидания чего-то грозного и неизвестного. А мы с Маратом физически наслаждались этим чувством надвигающейся грозы, которая при нашем участии не нынче—завтра должна была обрушиться на головы вековых, ненавистных насильников и палачей... Марат всю дорогу делал шутливые замечания, я отвечал тем же.

Мы свернули за Страстной монастырь и стали пробираться темными улицами и переулками, еще более безлюдными и мрачными. Вот, наконец, нужный нам дом. Нас проводят в низкую, душную комнату, слабо освещенную керосиновой лампой. Обычная обстановка бедной квартиры маленького чиновника: старая, истертая мебель, убогие украшения и сувениры на стенах и на покосившихся этажерках. Это, очевидно, лучшая комната — «зал» или «гостиная» — в жалкой квартирке полуинтеллигентной чиновничьей семьи[1]).

Скоро собрались и остальные товарищи. Пришли меньшевики, члены Федеративного Комитета, Исуф и Исакович, пришли выбранные, согласно нашему предложе-

[1]) Я, к сожалению, безнадежно забыл точный адрес этой квартиры и фамилию ее хозяина. Убедительно прошу товарищей и лиц, знающих это, напомнить мне.

нию в Информационное Бюро Исполнительным Комитетом Совета два рабочих—большевик Миша Васильев, только что вернувшийся из поездки с делегатом Петербургского Совета в приволжские города, и меньшевик Марков [1]), кажется железнодорожный рабочий. Оба еще совсем молодые ребята. Вот вошел с большим свертком в руках Василий Шер, назначенный одним из редакторов «Известий Московского Совета Рабочих Депутатов», он—меньшевик, но один из наиболее терпимых и симпатичных, прекрасный товарищ, в чем я убедился особенно впоследствии. Он спешно и оживленно вскрывает принесенный им сверток: там около сотни экземпляров первого номера «Известий Московского Совета Рабочих Депутатов» и материал для следующего номера.

Мы с жадным интересом расхватываем «Известия». От газеты еще пахнет типографской краской. Прежде всего бросается в глаза напечатанный крупным шрифтом аншлаг:

«Московский Совет Рабочих Депутатов, Комитет и Группа [2]) Российской Социил-Демократической Рабочей Партии и Комитет Партии Социалистов-Революционеров постановили объявить в Москве, со среды 7 декабря с 12 час. дня, всеобщую политическую стачку и стремиться перевести ее в вооруженное восстание».

Дальше идет воззвание Московского Совета Рабочих Депутатов и революционных партий «ко всем рабочим, солдатам и гражданам». Я досадую на допущенные в нем опечатки и ошибки, но это полбеды. Мы разбираем принесенные В. Шером материалы для следующего номера «Известий». Это в большинстве короткие статьи, заметки

[1]) Фамилия, если не ошибаюсь, ненастоящая, а партийно-конспиративная.

[2]) Так именовала себя организация меньшевиков.

и воззвания, написанные рабочими. Многие из них написаны безграмотно, но все они горят пламенным энтузиазмом, насыщены неутолимой, жгучей жаждой боя и победы. Отбираем лучшие, но жаль бросать и остальные. Предлагаем использовать их в следующих номерах.

Входят представители социалистов—революционеров. Вместо хорошо известных нам Руднева и Зензинова, перед нами два никому незнакомых лица. Они смотрят сосредоточенно, таинственно и несколько угрюмо. Настоящие заговорщики! Оказалось, что это временные представители эсеров, заменившие только на этот вечер Руднева и Зензинова. Было безнадежно узнать от них что либо из того, что мы наметили. Они не могли или не хотели сообщить нам даже сведений о том, какое у них количество дружинников, как они вооружены, есть ли в распоряжении организации ручные бомбы, необходимость которых в этот период чувствовалась и нами.

Пришлось перейти к обсуждению менее существенных вопросов. Я прочитал составленное мною воззвание к солдатам, призывавшее их к активному выступлению в союзе с рабочими. Воззвание было принято почти без поправок. На следующее заседание я решил представить проект воззвания к крестьянам.

В. И. Ленин, при отправке меня летом 1905 г. из Женевы в Одессу для использования восставшего броненосца «Потемкин», особенно настойчиво указывал мне на необходимость поднять революционное движение среди окрестных крестьян. Он прямо предложил мне обратиться к крестьянам с призывом захватывать помещичьи земли и усадьбы и вести в этом же смысле устную агитацию, направив в крестьянскую массу возможно больше наличных сил одесской организации. Когда я спросил его, является ли это общей директивой при агитации среди русских крестьян, он немного подумал, а затем ответил более осторожно:

— Это зависит от ситуации, от условий и обстановки в каждом данном случае.

Мне казалось, что, начиная решительное вооруженное восстание, мы имеем как раз такие условия и обстановку, когда особенно необходимо поднять и разжечь революционное движение среди крестьян, а этого можно было с успехом достигнуть, лишь бросив призыв к захвату помещичьих и других земель. Я хотел сделать это уже в первом воззвании, выпущенном от имени Московского Совета Рабочих Депутатов и революционных партий. Проект воззвания имел первоначально заглавие «Ко всем рабочим, крестьянам, солдатам и гражданам». Крестьяне призывались в нем к организации революционных комитетов и захвату помещичьих, казенных, церковных и монастырских земель с той оговоркой, что вся земля затем должна быть объявлена национальным достоянием. В этот период как раз В. И. Ленин предложил изменить нашу аграрную программу, выставив требование национализации земли. Соответствующие лозунги были и в той части воззвания, которые относились к солдатам.

Я показал этот проект воззвания Марату. Мы тщательно обсудили его и оба пришли к заключению, что будет целесообразнее пока о захвате и национализации земли не упоминать. Мы встретили бы сильное противодействие со стороны меньшевиков, а в вопросе о национализации земли и со стороны эсеров, которые, как известно, выдвигали требование «социализации» земли. Было нецелесообразно начинать наше боевое соглашение непримиримым спором. Пожалуй, и среди большевиков нашлись бы тогда противники призыва к захвату земли крестьянами, и многие сочли бы это эсеровщиной. Мы решили, что будет лучше в первом воззвании вообще не упоминать о крестьянах, а когда забастовка и восстание начнутся, выступить с отдельным проектом воззвания к крестьянам. Но по существу Марат целиком соглашался со мной.

Увы, нам не пришлось писать и отстаивать это воззвание. Пришел с значительным запозданием представи-

тель всероссийского железнодорожного союза инженер Переверзев. Как и следовало ожидать, он оказался типичным полукадетом-полуэсером. Нудно и тягуче стал он рассказывать нам о том, как непочтительно разговаривал он со своим начальством, каким-то железнодорожным генералом, грозя ему сотрясти всю Россию; как начальство побледнело и тоже сотряслось от страха перед лицом такого отчаянного революционера и т. д. и т. п. Наконец, его излияния были прерваны вопросом:

— Как обстоят дела с забастовкой на железных дорогах?

— Забастовали все дороги, кроме Николаевской...

Кроме Николаевской!.. Кроме дороги, которая соединяет Москву с Петербургом... Это сообщение крайне встревожило всех нас. Опасность могла грозить нам главным образом из Петербурга. Оправдывалось наше недоверие к либеральному железнодорожному Союзу, против которого мы и повели после октябрьской забастовки настойчивую борьбу. К декабрю нам удалось отколоть от союза железнодорожных рабочих почти на всех московских узлах, кроме Николаевского. И вот оказывается, что как раз эта дорога продолжает работать. Уверения Переверзева, что железнодорожный забастовочный комитет клянется не пропустить по Николаевской дороге ни одного враждебного отряда, не внушало нам никакого доверия. На вопрос — «А как вы сделаете это»? Переверзев нерешительно ответил:

— Мы пустим, например, из Москвы поезд с составом пустых вагонов и устроим крушение...

Ясно, что никакого твердого плана и никакой уверенности у самих железнодорожников не было. Сам Переверзев начал затем высказывать опасения, как бы не арестовали забастовочный комитет железнодорожного Союза — тогда, мол, забастовка на железных дорогах будет, несомненно, дезорганизована. Мы решили бросить на следующий день на Николаевскую дорогу возможно больше сил, и, если не удастся остановить движение, то предпринять меры

к порче мостов и железнодорожного полотна, снесясь с партийными организациями в Твери и других городах.

Было уже довольно поздно и нужно было расходиться. Стали говорить о времени и месте явки для следующего заседания. Мы предложили всем являться аккуратно к назначенному времени, а эсеров попросили передать своему комитету, чтобы на заседания Информационного Бюро присылались вполне осведомленные и авторитетные представители.

Вдруг Переверзев трагически и вместе с тем каким-то важным тоном заявляет, что завтра он вряд ли уже сможет быть на заседании.

— Почему?..

— Я думаю, что меня этой ночью или завтра утром арестуют.

— Арестовать могут каждого из нас, но почему вы думаете, что вас арестуют так скоро?

— Я слышал, что начальник дороги просил градоначальника убрать меня. Кроме того я заметил, что за мной ходят шпики; вероятно, и теперь они ждут меня у ворот.

Легко представить себе наше изумление и негодование. Я готов был, кажется, побить этого наивного либерального болтуна.

— Как же вы смели притти сюда, зная, что за вами следят? Почему вы только теперь говорите нам об этом?

Переверзев, этот совершенно случайный человек в революции, с недоумением смотрел на нас и беспомощно разводил руками. Он, видимо, даже не понимал как следует, почему мы так волнуемся. Пожалуй, он в этот момент даже любовался собой: вот, мол, какой я хладнокровный и храбрый человек. За мной по пятам следуют шпики, а я не боюсь. Они же, патентованные революционеры, сразу струсили...

Нужно было немедленно расходиться. Эсеры исчезли моментально. За ними ушел и Переверзев. Мы же, большевики и меньшевики, задержались еще на несколько

минут, чтобы перекинуться замечаниями по поводу предстоящей каждому работы и условиться относительно заседания Федеративного Комитета.

— Вот дурак-то!—продолжал ругаться по адресу Переверзева тов. Марат.

Вдруг, в соседней комнате, послышались голоса и топот многочисленных ног. Мы в тревоге вскочили. В открытую дверь выставляются винтовки и слышится команда:

— Ни с места! Руки вверх!.. Стрелять будем...

Я сгоряча хватаюсь за револьвер, но стоящий рядом Марат удерживает меня. В самом деле, сопротивляться безнадежно. Неприятель, видимо, многочислен и хорошо вооружен, а нас всего семь человек и вооружены мы только револьверами. Впоследствии оказалось, что и револьверы не у всех были при себе; некоторые товарищи оставили их в карманах пальто.

— Ладно, делайте свое дело! Мы не станем сопротивляться,—громко сказал, кажется, Марат.

Комнату заполнили десятка полтора вооруженных винтовками городовых. В прихожей и в других комнатах тоже толпились вооруженные полицейские; всего их было не менее 30 человек. Нас схватили и начали обыскивать, опустошая наши карманы. В первую очередь, конечно, отобрали револьверы. Полиция предполагала, видимо, встретить ожесточенное сопротивление, ибо городовые, обыскивая нас и комнату, очень волновались. Они долго, например, не решались коснуться стоявшей на этажерке шкатулки, полагая, очевидно, что это какая-нибудь адская машина или сложный снаряд. Привели их первоначально в большое смущение и осколки чугунного снаряда, привезенные, как оказалось, хозяином квартиры из Севастополя в качестве сувенира.

Все это невольно развеселило нас. Но особенно смеялись мы, когда при составлении протокола обыска оказалось, что вместо отобранных у нас семи револьверов налицо имелось только пять; два револьвера, очевидно, при-

своили производившие обыск городовые. Нужно заметить, что в это время цены на револьверы стояли в Москве очень высоко. Надо полагать, что присвоившие наши револьверы городовые хотели спустить их нашим же товарищам. Опоры царизма уже тогда насквозь были проедены гнилью. Мы, смеясь, стали настаивать на внесении в протокол факта исчезновения двух револьверов, утверждая, что у нас было их семь. Жандармский ротмистр, руководивший арестом и обыском, казался очень смущенным.

Этот жандармский офицер вообще держался очень странно. Мы для отвода сердца стали, не стесняясь в выражениях, издеваться над обманным манифестом царя, сулившим российским гражданам «действительную неприкосновенность личности и жилища».

— Хороша неприкосновенность!.. Сегодня мы на собственной личности видим «действительность» ее...

— Да,—вдруг подтверждает жандарм,—трудно, знаете, служить теперь. Сегодня—одно, завтра—другое...

Он скорчил брезгливую физиономию. Мы с изумлением посмотрели на него. Очевидно, бравый жандарм не очень верил тогда в незыблемость полицейского строя. Еще один «либеральный» жест с его стороны. Уже опечатав отобранные у нас бумаги, он заметил, что на полу валяется четвертушка бумаги, и поднял ее.

— Кому из вас, господа, принадлежит этот документ. Начинается он так: «К оружию, товарищи!».. Ну, и так далее... В том же духе!

Это, очевидно, было одно из полных энтузиазма воззваний, написанных жаждавшими боя рабочими. Мы засмеялись.

— Хороший документ!.. Только автора ищите уж сами.

Жандарм тоже усмехнулся.

— Ну, да у вас и так отобрано достаточно. Эту бумажку можно и уничтожить.

И он изорвал красноречивый «документ». А отобрано у нас было, действительно, больше, чем достаточно для

отправки нас на виселицу. Правда, у членов Федеративного Комитета, как у более или менее опытных подпольщиков, непосредственно было найдено немного, если не считать револьверов, но было отобрано около сотни экземпляров «Известий Совета Рабочих Депутатов», с напечатанным там воззванием о забастовке и восстании; были отобраны все материалы для второго номера «Известий», в том числе и написанное моей рукой воззвание к солдатам, с призывом к мятежу. Много компрометирующего отобрали и у наших молодых товарищей рабочих. У Миши Васильева была, например, взята записная книжка, в которую он добросовестно и старательно заносил все свои впечатления и наблюдения, а их во время поездки на Волгу накопилось немало. И мы отлично понимали серьезность нашего положения [1]).

Мы не были даже уверены, что нас не пристрелят немедленно, выведя из квартиры на улицу. Поэтому мы сердечно простились друг с другом, когда нам предложили одеваться

[1]) На наше счастье все отобранные у нас документы и другие улики, повидимому, бесследно исчезли во время восстания. Возможно, что они были уничтожены при взрыве охранки, произведенном эсерами. Месяцев 5 или 6 нас держали в тюрьме без всякого допроса, а когда, после голодовки и бурных беспорядков в Таганской тюрьме, к нам явился для допроса жандармский офицер, мы неожиданно для себя сделали приятное открытие, что в его распоряжении нет против нас решительно никаких улик. Он даже не знал, где, когда и при каких условиях мы были арестованы, и старался выпытать это у нас. Впрочем, мы и раньше догадывались, что наше положение далеко не так безнадежно, как мы первоначально предполагали. Особенно обнадежило нас объявление генерала Дубасова, что «главные виновники мятежа вне пределов досягаемости». В конце концов нас не смогли даже предать суду и ограничились административной ссылкой всех в отдаленные места Сибири. А затем, по ходатайству богатых и влиятельных родственников арестованного с нами меньшевика В. Шера, нам и эту ссылку заменили срочной (на 2 или 3 года) высылкой за границу. Как курьез, отмечу, что при высылке московское охранное отделение выдало нам бесплатно заграничные паспорта, а так как некоторые товарищи назвались вымышленными фамилиями, то охранка, выдав им паспорта под этими именно фамилиями, своеобразно легализовала их.

Только тов. Марат и Миша Васильев, не дождавшись разрешения на замену ссылки высылкой за границу, поторопились отправиться в Сибирь. Впрочем, Марату, хорошо известному Департаменту Полиции по прежним ссылкам, вряд ли разрешили бы выезд за границу.

Примечание: Некоторые из помещенных на этой фотографии товарищей имели то или иное отношение к Московскому Комитету Партии только с осени 1905 года.

и выходить. Если бы нас арестовали несколькими днями позднее, с нами, вероятно, так и поступили бы. Не мало товарищей и даже просто непонравившихся полиции почему-либо граждан погибло таким образом в Москве и ее окрестностях в дни восстания.

Но нас усадили в закрытую полицейскую карету и отвезли в Таганскую тюрьму в сопровождении конного конвоя.

— Да здравствует революция! Да здравствует вооруженное восстание!—возбужденно крикнули мы, войдя в ворота тюрьмы. Нас рассадили по одиночным камерам.

Кто виноват в нашем аресте? Разумеется, прежде всего мы сами. Нельзя было устраивать таких ответственных собраний, не предприняв предварительно тщательных мер по охране места заседания и надзору за ближайшими улицами. А у нас была возможность установить такую охрану и надзор при содействии наших дружинников. Вопрос об охране был даже поставлен, но не хотелось отвлекать на это дружинников, особенно в первый день забастовки, когда все силы были брошены на фабрики и заводы.

Кто навел на нас полицию? Я до сих пор думаю, что невольным виновником этого был неопытный в конспиративных делах и вообще крайне наивный и недалекий гр. Переверзев. Могли, конечно, проследить и эсеров и даже кого-либо из нас. Но мы все шли с оглядкой и ничего подозрительного не заметили.

Тов. Покровский М. Н. высказал в одной из газетных статей предположение, что нас выдала Пуцата, служившая в охранке и вертевшаяся около большевистской организации. Она будто бы подыскала и квартиру для рокового заседания. Но насколько мне помнится, квартиру подыскали меньшевики. Кроме того, наш арест не кончился бы для нас так благополучно, если бы охранка была хорошо осведомлена, кого она арестовала.

XI

В ТЮРЬМЕ В ДНИ ВОССТАНИЯ

Я много раз попадал в тюрьмы царской России, но никогда у меня не было такого тяжелого душевного состояния, как в этот раз, особенно в первые недели заключения. Прежде всего мучила мысль, что мы своим нелепым арестом невольно подвели партийную организацию и Московский Совет Рабочих Депутатов. Разумеется, заменить нас было нетрудно, но все таки наше выбытие из строя в самом начале генерального боя неизбежно должно было внести некоторую дезорганизацию в руководство забастовкой и восстанием. У нас намечался уже определенный план, у нас были все связи, был некоторый опыт и известный авторитет. Теперь придется создавать новый центр, снова составлять план и восстановлять связи. И это в такой момент, когда нужно немедленно действовать и действовать при том решительно и смело, захватывать сразу инициативу в свои руки. Ибо это — основные условия победы в восстании. Думаю, что и у остальных моих товарищей было такое же тяжкое настроение.

Уже на следующий день после ареста мы услышали сквозь толстые стены Таганской тюрьмы трескотню перестрелки; слышны были преимущественно выстрелы из винтовок, порой перекатывались ружейные залпы. У нас винтовок не могло быть так много;. значит стреляют

войска, значит — инциатива находится в руках противника — невольно возникало естественное заключение. Но в то же время настойчиво вспыхивала надежда: а вдруг это стреляют уже перешедшие на нашу сторону солдаты!.. Ведь это вполне вероятно, ведь на таком переходе войск мы и строили наши планы, нати надежды на победоносный исход восстания...

Вот глухо, как тяжелый вздох, пробился сквозь стены тюрьмы орудийный выстрел. Еще!.. еще!.. Теперь сразу два. И снова — те же заключения, те же предположения, надежды, догадки... Да, это было невыносимо-мучительное состояние.

Чтобы узнать хоть что - нибудь, мы обращались к единственным людям, имевшим сношение с волей, — к тюремным надзирателям. По их лицам и по их разговорам, отдельным словам и жестам старались мы угадать правду. Мы при случае прямо спрашивали их, что делается на улицах Москвы. И первые сведения я получил чрез одного из тюремных надзирателей. В первую же ночь заключения я заметил, что он — еще молодой царень — бросил на меня сочувственный взгляд. На следующий день я его не видел, но на третий день вечером он опять дежурил в коридоре, в котором находилась моя камера. Несколько раз подходил он к двери камеры и дружелюбно кивал мне головой. Я решил заговорить с ним, но он сделал знак, который я понял, как предложение повременить немного.

И, действительно, когда прошла поверка и в отделении все стихло, он подошел к дверной форточке и поманил меня пальцем.

— Может вам что нужно? — тихо спросил он.

— Что делается на воле?

— Да стреляют, черти! — невольно ругнулся он.

— Кто стреляет?

— Полиция... драгуны и казаки... Есть и солдаты!.. — с заметным раздражением ответил он.

— А вы разве недовольны этим? — осторожно спрашиваю я.

— Да. Ведь я сам солдат. Недавно только отпущен. Знаю что такое начальство. Мать их так!.. Мало они нас били?.. Я-то понимаю, где правда. Да вот не все еще понимают это. Тоже — солдаты!.. Сами в себя ведь стреляют, черти!..

Он быстро отошел, но скоро подошел опять.

— Ну, а наши как? Тоже стреляют?..

— О, молодцы! Здорово палят!.. Все улицы загородили чем попало. Влетает здорово и полиции, и драгунам, и солдатам. Сам видел убитых.

Он помолчал, а затем оживленно продолжал:

— Есть и у вас солдаты. Только мало. Сам видел—стреляют по полиции. Должно быть из тех, что возвращаются из Манчжурии. А может и здешние. Вот бы с войны возвращались скорей солдаты! Те уж знают, в кого нужно стрелять.

Я с изумлением смотрел на этого удивительного тюремного надзирателя. Чувствовалось, что он говорит искренне. Он оглянулся по сторонам и снова зашептал:

— Может, говорю, вам нужно что нибудь? Ну, отнести письмо... или вам принести чего-нибудь из дома. Ведь тут обовшивеете скоро!

— А вы не боитесь?.. и говорите правду?..—с невольным сомнением спрашиваю я.

— Э, что! я все равно ухожу отсюда. Какая это служба! Разве она по мне? Да провались она пропадом!.. Жрать нечего было,—потому и поступил. А теперь больше не могу.

Слишком велик был соблазн, и я решил рискнуть. У меня в квартире не было ничего, что могло бы подвести других товарищей. Если бы и арестовали жену, она ничего лишнего не показала бы. А раз она узнает о моем аресте, узнает об этом и организация. Нужно рискнуть, да и физиономия надзирателя внушала невольное доверие.

Я попросил у него карандаш и лист бумаги. Он сейчас же дал; я спешно набросал несколько строк, расска-

зал ему, как найти мою квартиру, и мы распрощались, ибо вдали послышались шаги старшего надзирателя.

С понятным нетерпением и с большим все-таки сомнением ждал я результатов этого предприятия. Квартира моя, т.-е. собственно одна комната, в которой жили я и только что приехавшая с Кавказа, освобожденная в октябре из тюрьмы жена, находилась где-то около Патриарших прудов (дома точно не помню). Прежде всего, как я правильно догадывался, пробраться туда было нелегко. В это время бои происходили главным образом в центре города.

И все-таки удивительный тюремный надзиратель добрался до моей квартиры и передал жене мою записку. В ней я просил жену прислать мне смены две белья и, сколько сможет, денег. Через сутки вечером надзиратель, улучив подходящую минуту, просунул мне в форточку сверток белья и конверт с ответом от жены; в конверте было вложено пять рублей.

Крепко, как лучшему товарищу, пожал я руку мужественному надзирателю. Он весело и с задором рассказал мне, как он пробирался по Бронной и другим улицам через многочисленные баррикады, как дважды стреляла по нем полиция, а в одном месте чуть не подстрелили наши товарищи.

— А все-таки я добрался до вашей квартиры. Жалко очень вашу жену. Совсем молодая женщина. Тяжело ей будет без вас. Ну, да, авось, мы победим! Наши здорово жарят и не падают духом. Только, говорят, едут войска из Петербурга.

Теперь он уже говорил «мы» и «наши». Я не знал, как его благодарить.

— Послушайте, товарищ,—нерешительно начал я,—мне здесь деньги ненужны, а вам они могут очень понадобиться, особенно, если вы вздумаете бросать службу.

Он поспешно остановил меня:

— Что вы? разве это можно? Вам деньги нужнее, а мне было бы совестно брать их у вас.

Совестно стало мне. И я еще раз крепко пожал ему руку. Если бы не дверь, разделявшая нас, я братски поцеловал бы своего удивительного «тюремщика». Больше я его не видел. Он либо сам ушел, либо его рассчитали. В наши тюремщики он, конечно, не годился. К сожалению, ни я, ни жена не можем теперь вспомнить его имя и фамилию. Кажется, его звали Степаном, а может быть его фамилия была Степанов. Не помню. Но это был воистину тюремщик-друг. Такие изредка встречались в те времена.

Между тем борьба продолжалась своим чередом. Днем усиленно гремели орудийные выстрелы вперемежку и совместно с ружейной трескотней, а по ночам небо стало окрашиваться заревом пожаров. Было очевидно, что бои переносятся в рабочие окраины. Восстание, следовательно, потерпело неудачу. Делалось невыносимо тяжело и тоскливо. Помню, как метался я по узкой мрачной камере, не зная покоя и сна ни днем, ни ночью.

К счастью скоро между нами, т.-е. товарищами, арестованными в нашей группе, наладились сношения при посредстве обслуживавших камеры уголовных арестантов и более сносных или продажных надзирателей. Я получил несколько записок от Марата и Шера. Они звали перебраться в какую-нибудь камеру поближе к ним. Угловая камера, в которую меня первоначально посадили, была на редкость скверная, сырая и холодная. В ней была масса клопов и, кроме того, незадолго до меня сидел в ней, повидимому, туберкулезный больной: стены, особенно в углах, были заплеваны и залиты кровью.

Я стал ежедневно и настойчиво требовать, чтобы меня перевели в другую, более сносную камеру, ссылаясь на свое расстроенное здоровье: действительно, меня в связи, очевидно, с бессонницей и волнениями за исход восстания, а также вследствие сырости камеры сильно лихорадило. Это констатировал и тюремный врач, и меня,

наконец, перевели в освободившуюся камеру в третьем этаже.

Камера оказалась несравненно приличнее во всех отношениях. Только что я перебрался, осмотрелся и прилег на кровать вследствие недомогания, как вдруг слышу заглушенный голос:

— Товарищ!.. Товарищ!.. Подойдите сюда!..

Я с недоумением оглядываюсь. Кто говорит? Откуда говорит? В дверной форточке никого нет. Бросаюсь к широкой железной трубе, идущей с верхнего этажа. Нет, там голоса не слышно. Прислушиваюсь спокойнее и внимательнее.

— Сюда!.. Сюда!.. отодвиньте парашу!

Ага! вот откуда голос... Спешно отодвигаю парашу и нагибаюсь. За парашей довольно большое квадратное отверстие, ведущее, очевидно, в вентиляционный проход. С другой стороны, в другой камере, такое же отверстие, а сравнительно тонкая перегородка между ними давно уже проломана. Нагибаюсь ниже—на меня смотрит лицо Василия Шера! Мы оба приятно изумлены, ибо и он не ожидал, что рядом с ним посадили меня.

Нам обоим стало житься несравненно легче. Можно сказать, что мы сидели вдвоем, ибо в любой почти момент могли не только говорить друг с другом, но и видеть лица, обмениваться рукопожатиями. Только тот, кто долго сидел в одиночном заключении, вполне оценит такое неожиданное удобство. И именно здесь я узнал, какой сердечный и славный товарищ—Василий Шер [1]).

Мы взаимно поделились нашими сведениями и думами и пришли единодушно к заключению, что восстание терпит поражение. Мы уже знали, что в Москве и под Москвой орудует Семеновский полк во главе с полковником Мином и Риманом, а также Ладожский полк, прислан-

---

[1]) Очень сожалею, что он до сих пор остается меньшевиком. В его искренней преданности интересам рабочего класса мне трудно усумниться

ный из Варшавы, драгуны и артиллерия из Твери и т. д. Николаевская дорога сделала свое предательское дело, а Петербург и остальная страна не смогли поддержать нас достаточно мощно.

Да, бой был явно проигран. 19-го декабря (1-го января) и забастовка была формально прекращена постановлением Исполнительного Комитета Московского Совета Рабочих Депутатов и комитетов революционных партий.

XII

ПОСЛЕДНЕЕ ЗАСЕДАНИЕ МОСКОВСКОГО СОВЕТА РАБОЧИХ ДЕПУТАТОВ. ЗНАЧЕНИЕ ДЕКАБРЬСКОГО ВОССТАНИЯ

Была сделана попытка собрать перед окончанием забастовки и восстания еще один пленум Совета Рабочих Депутатов. Более или менее подробных сведений об этом последнем заседании первого Московского Совета Рабочих Депутатов в моем распоряжении, к сожалению, нет. Сообщу здесь, что удалось пока.

Известный меньшевик Колокольников, работавший главным образом по организации профессиональных союзов, сообщает в своих воспоминаниях следующее об этом заседании [1]:

«Заседание Совета состоялось 15/28 декабря в столовой фабрики Цинделя. Обстановка была очень нервная; технический организатор собрания Локерман (Аркадий) все время торопил кончать, так как получены были сведения о приближении войск и полиции. Состав Совета был очень неполон. Не хватало целых районов. Был поставлен вопрос, считать ли неполное собрание пленумом Совета и его постановление окончательным. Вопрос был решен отрицательно. Из докладов от районов и круп-

[1]) Воспоминания просмотрены мною в рукописи.

ных предприятий было ясно, что на собрании было много сторонников продолжения борьбы [1]). Резолюция о прекращении забастовки едва ли собрала бы больше половины голосов. Такое голосование при необязательном характере резолюции не дало бы движению организованного конца, а, наоборот, только усилило бы его разложение. Вот почему я, который должен был говорить за прекращение дальнейшей борьбы, отказался от внесения соответствующего предложения. Решено было в ближайшие дни созвать новое, более полное собрание Совета, а если созыв окажется невозможным, то предоставить Исполнительному Комитету право ликвидировать движение».

Приблизительно также описывается это заключительное заседание Московского Совета в книжке «Москва в декабре 1905 года», изданной еще в 1906 году [2]). За неимением под рукой этой книги, привожу интересующее нас место в изложении Максакова и с его, повидимому, коментариями действий московских меньшевиков [3]).

«Последнее пленарное собрание первого Московского Совета состоялось в самый разгар трагической борьбы на улицах Москвы 15/28 декабря. На этот раз инициаторами этого собрания явились меньшевики, еще 13/26 декабря поднявшие вопрос о прекращении забастовки.

На собрании отсутствовали представители Лефортовского и Сокольнического районов, из других районов не явилось много депутатов. Было всего 85—90 человек. Собрание не признало возможным принять окончательное

---

[1]) Подчеркнуто мной. Это чрезвычайно показательно для характеристики тогдашнего героического настроения московского пролетариата. Даже явно разбитый он продолжает настаивать на дальнейшем бое.

[2]) «Москва в декабре 1905 г.», изд. Кохмакского, Москва 1906 г. 147 стр.

[3]) «Декабрьское восстание в Москве 1905 г.», Госиздат, 1920 г., стр. 224—225.

решение о забастовке, передав его на рассмотрение районных Советов. Окончательное решение было предоставлено Исполнительному Комитету. Настроение докладчиков на собрании было боевое. Впрочем, некоторые докладчики отмечали, что настроение масс падает. Определенно за прекращение забастовки не говорил никто. Характерно, что даже меньшевики молчали... Железнодорожники потребовали продолжения забастовки во что бы то ни стало. Представитель Московского Комитета огласил резолюцию своей партии о продолжении забастовки и вооруженной борьбы дружин. Решено было забастовку продолжать.

Для характеристики неустойчивой, мягко говоря, позиции меньшевиков следует сообщить, что в том же день вечером меньшевики постановили настаивать на прекращении забастовки не позднее 17/30 декабря. 13/26 декабря—против забастовки, 15 утром—за забастовку, 15/28 вечером—за немедленное прекращение забастовки... Исполнительный Комитет и Московский Комитет РСДРП решили забастовку прекратить 19 декабря (1 января).

Первый кровавый бой за диктатуру пролетариата, за власть Советов был проигран. Но еще и еще раз я настойчиво подчеркиваю, что он был необходим, что он был неизбежен, что дать его было нужно даже при большом сомнении в победоносности его исхода. Боя требовала вся сложившаяся к тому времени обстановка, боя единодушно хотели и требовали широкие массы московского пролетариата. И, может быть, главной нашей ошибкой было не то, что мы начали восстание слишком рано, а то, что мы несколько опоздали: в Москве нужно было начинать восстание тогда, когда наибольшей силы достигли волнения в местном гарнизоне — в момент бурного движения в Ростовском полку и среди сапер.

Мы все знаем, как высоко ценил опыт московского вооруженного восстания В. И. Ленин. Не раз останавливался он на этом крупнейшем событии из эпохи первой российской революции и требовал внимательнейшего изучения

его. Требовал от других и сам изучал. Уже накануне второй революции — 22 января 1917 года — Владимир Ильич прочитал в Цюрихе на собрании, организованном швейцарской рабочей молодежью, доклад о революции 1905 года. Вот как охарактеризовал он в этом докладе московское вооружсиное восстание:

«Своей вершины революция 1905 года достигла в декабрьском восстании в Москве. Небольшая кучка восставших, именно организованных и вооруженных рабочих — их было не больше восьми тысяч, — оказывала в течение 9 дней сопротивление царскому правительству, которое не могло доверять московскому гарнизону, а, напротив, должно было держать его взаперти, и только благодаря прибытию Семеновского полка из Петербурга было в состоянии подавить восстание.

Буржуазия любит называть московское восстание чем-то искусственным и насмехаться над ним. Например, в немецкой так называемой «научной» литературе господин профессор Макс Вебер в своей большой работе о политическом развитии России назвал московское восстание «путшем» («вспышкопускательством»). «Ленинская группа, — говорит этот «высокоученый» господин профессор, — и часть эсеров давно уже подготовляли это бессмысленное восстание».

Чтобы оценить по заслугам эту профессорскую мудрость трусливой буржуазии, достаточно только возобновить в памяти сухие цифры статистики стачек. В январе 1905 г. в России было только 13 тысяч чисто политических стачечников, в октябре 330 тысяч, в декабре был достигнут максимум, именно 370 тысяч чисто политических стачечников в течение одного месяца. Припомним успехи контр-революции, восстания крестьян и солдат, и мы тотчас же придем к убеждению: суждение «буржуазной науки» о декабрьском восстании не только нелепо, оно является словесной увerткой представителей трусливой буржуазии, которая

видит в пролетариате своего опаснейшего классового врага.

В действительности все развитие русской революции с неизбежностью толкало к вооруженному решающему бою между царским правительством и авангардом классового сознательного пролетариата». (Подчеркнуто мной. М. В.-Ю. [1]).

Да, героический московский пролетариат правильно понял в 1905 году, что дать вооруженный бой царскому правительству необходимо. Это был первый пролетарский бой. Он был проигран, но мы на своем поражении научились искусству побеждать. Через 12 лет мы использовали наш опыт и одержали головокружительную победу. Кровавые жертвы, понесенные московским пролетариатом, оказались ненапрасными.

---

[1]) Н. Ленин: «Девятое января», «Правда», № 18, от 22-го января 1925 г.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение № 1

ИСПРАВЛЕННЫЙ ТЕКСТ ВОЗЗВАНИЯ «КО ВСЕМ РАБОЧИМ, СОЛДАТАМ И ГРАЖДАНАМ» [1])

Товарищи рабочие, солдаты и граждане!

С 17-го октября, когда рабочий класс силой вырвал у царского правительства обещание разных свобод и «действительной» неприкосновенности личности, насилия со стороны правительства не только не прекращаются, но усиливаются и по прежнему льется человеческая кровь.

Свободные собрания, где можно слышать свободное слово, разгоняются оружием, профессиональные и политические союзы жестоко преследуются. Свободные газеты закрываются уже сразу десятками. За стачки грозят тюрьмой. А над «действительно» неприкосновенною личностью русского гражданина учиняются такие издевательства и насилия, от которых кровь стынет в жилах.

Снова тюрьмы набиваются борцами за свободу. Объявляются на военном положении целые области и губернии

---

[1]) Это историческое воззвание было напечатано с некоторыми досадными ошибками в „Известиях Московского Совета Рабочих Депутатов". Еще более грубые искажения допущены некоторыми изданиями, перепечатавшими это воззвание впоследствии (см., например, „Декабрьское восстание в Москве 1905 г.", Госиздат, 1920 г.). Здесь я даю исправленный текст воззвания. Подлинник воззвания, написаный моей рукой, вряд ли сохранился. Но я хорошо помню это воззвание, ибо оно обсуждалось нами 2 или 3 раза слово за словом.

М. Ю.

Без пощады избиваются и расстреливаются голодные крестьяне. Матросов и солдат, не желающих быть братоубийцами и примкнувших к своему народу, гноят в тюрьмах, топят и убивают.

Если бы собрать всю кровь и слезы, пролитые по вине правительства лишь в октябре, оно бы утонуло в них, товарищи!

Но с особой ненавистью царское правительство обрушивается на рабочий класс: заключив союз с капиталистами, оно выбрасывает на улицу сотни тысяч рабочих, обрекая их на нищету и голодную смерть. Оно десятками и сотнями сажает в тюрьмы депутатов и вождей рабочих. Оно грозит принять против представителей соц.-дем. раб. партии и партии соц.-рев. какие-то «исключительные» меры. Оно снова организовало черные сотни и грозит новыми массовыми убийствами и погромами.

Революционный пролетариат не может дольше терпеть издевательств и преступлений царского правительства и объявляет ему решительную и беспощадную войну.

Товарищи-рабочие! Мы, избранные вами депутаты, Московский Комитет, Московская группа, Московская Окружная Организация Российской Социал-Демократической Партии и Московский Комитет Партии Социалистов-Революционеров—объявляем всеобщую политическую забастовку и призываем вас в среду, 7-го декабря, в 12 часов дня, бросить и остановить работу на всех фабриках и заводах, во всех городских и правительственных предприятиях.

Да здравствует беспощадная борьба с преступным царским правительством!

Товарищи солдаты! Вы наши кровные братья, дети единой с нами матери, многострадальной России. Вы уже осознали это и подтвердили участием в общей борьбе. Ныне, когда пролетариат объявляет ненавистному народному врагу царскому правительству решительную борьбу, действуйте и вы решительно и смело. Отказывайтесь

повиноваться своему кровожадному начальству, гоните его прочь и арестуйте, выбирайте из своей среды надежных руководителей и с оружием в руках присоединяйтесь к восставшему народу. Вместе с рабочим классом добивайтесь роспуска постоянной армии и всенародного вооружения, добивайтесь отмены военных судов и военного положения.

Да здравствует союз революционного пролетариата с революционной армией!

Да здравствует борьба за общую свободу!

И вы, граждане, искренно жаждущие широкой свободы, помогите восставшим рабочим и солдатам, чем только можете—и личным участием и средствами. Пролетариат и армия борются за свободу и счастье всей России и всего народа. На карту поставлено все будущее России. Жизнь или смерть, свобода или рабство! Соединенными силами мы свергнем, наконец, преступное царское правительство, созовем учредительное собрание на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного голосования и утвердим демократическую республику, которая одна может обеспечить нам широкую свободу и действительную неприкосновенность личности.

Смело же в бой, товарищи-рабочие, солдаты и граждане!

Долой преступное царское правительство!

Да здравствует всеобщая забастовка и вооруженное восстание.

Да здравствует всенародное учредительное Собрание!

Да здравствует Демократическая Республика!

Московский Совет Рабочих Депутатов,

Московский Комитет }
Московская группа } РСДРП.
Московская Окруж. Орг. }

Московский Комитет Партии Соц.-Рев.»

Приложение № 2

«МОСКОВСКИЙ СОВЕТ РАБОЧИХ ДЕПУТАТОВ [1])

(Газета „Борьба“ № 4 от 1/14 декабря 1905 г.)

Пролетариат по всей России усиленно готовится к решительному бою со своим заклятым врагом—царским правительством, ни на минуту не забывая, конечно, и о другом своем враге—хозяевах-капиталистах.

Предыдущая борьба с несокрушимой убедительностью доказала всему пролетариату, в чем его сила: она в его организованности и сплоченности. Эту драгоценную уверенность, купленную кровью и страданиями, он хорошо использует теперь.

С поразительной быстротой возникают и укрепляются всевозможные организации, захватывающие самую гущу пролетарской массы. Кипит организационная работа в партии, растут и множатся профессиональные союзы, в целом ряде городов создались промежуточные боевые организации—Советы Рабочих Депутатов.

Цель Совета Рабочих Депутатов—помочь объединению и руководству политической и экономической борьбой

---

[1]) Настоящая статья была написана мною после первого заседания Московского Совета Рабочих Депутатов. Она содержит в себе краткий отчет об этом заседании и вместе с тем излагает отношение московской организации к Советам. Наши газеты („Вперед“ и „Борьба“) в это время еще не выходили, и более подробного отчета о первом заседании поместить было негде.

М. Ю.

пролетариата. Такие организации необходимы там, где единственный надежный вождь пролетариата—социал-демократия—не успел еще к моменту революции охватить своей стройной организацией широких рабочих масс. Они—могучие помощники партии.

Возник Совет Рабочих Депутатов и в Москве. Немедленно и чутко отозвался он уже на самые яркие события мятежной русской жизни, сильно и ясно выразив мысли и чувства своих доверителей.

Посылая горячий привет «своему старшему петербургскому брату», МСРД объявляет, что «московский пролетариат спешно и энергично готовится к предстоящему решительному бою».

«Преступному союзу самодержавия и капиталистов рабочий класс всей России должен противопоставить свой грозный союз»!

Также горячо приветствуя всех братьев воинов, поднявших вместе с пролетариатом знамя борьбы за общую свободу, МСРД выражает уверенность, что «уже недалек тот день, когда пролетариат, революционное крестьянство и лучшая часть армии соединенными силами опрокинут ненавистное царское правительство».

В интересах сбережения сил и укрепления организации для этой решительной борьбы МСРД рекомендует московскому пролетариату воздержаться по возможности от частичных забастовок и бастовать лишь в следующих случаях:

1) Когда хозяева отнимают уже отвоеванные права, в особенности право иметь свободно избранных депутатов и право устраивать собрания на заводах и фабриках.

2) Когда условия труда на данной фабрике или заводе хуже, чем в других однородных предприятиях.

При этом МСРД приглашает товарищей, прежде чем забастовать, снаситься предварительно с ним. Вот ясный и определенный ответ на клеветнические завывания разных проходимцев, что вожди рабочего класса изнуряют

его беспрерывными забастовками. Не пролетариат и его вожди виноваты в том, что забастовки не прекращаются, а наглость хозяев и правительства. И пусть знают господа предприниматели, что МСРД будет поддерживать всеми доступными ему средствами товарищей, борющихся за указанные выше права.

Забастовок, возникших по этой причине, немало и теперь. МСРД поддерживает и будет поддерживать их, твердо надеясь, что в этом ему помогут все товарищи и граждане, «сочувствующие делу пролетарской борьбы и народной свободы». По копейкам, по грошам собирают эту помощь нуждающимся товарищам рабочие. Тем более не должны отставать в этом люди сравнительно обеспеченные. Мы переживаем небывалый в истории подъем духа и сил. Пролетариат щедро расплачивается кровью не за свою только свободу, но и за освобождение всей России. Кровь же бесконечно дороже денег, господа граждане!

Кроме стачечного фонда при МСРД имеется еще касса борьбы. Для этой кассы средства еще более необходимы, ибо цель ее—предстоящая борьба с правительством и материальная подготовка для нее пролетариата. Вооруженное восстание не угроза и не мечта революционеров, а роковой неизбежный этап к свободе.

В этом давно пора убедиться всем искателям «мирных путей», если только они искренно желают свободы. Свобода—не милостыня, ее с боя берут, а не выпрашивают,—вот железный закон, кровью писанный в истории всего человечества. Преступно и стыдно лепетать о «мирных путях», когда кругом ежедневно брызжет горячая человеческая кровь. Прекратить ее потоки может лишь решительная победа. Это нужно понять и помнить.

М. Южин.

При пожертвованиях необходимо указывать, куда они предназначаются: для стачечного фонда или в кассу борьбы».

Приложение № 3

«ПРАВИТЕЛЬСТВО ЖАЖДЕТ КРОВИ [1])

Правительство делает еще раз отчаянную попытку силой удержать в своих руках власть.

Снова широко раскрылись тюремные двери, идут и подготовляются массовые аресты. В Петербурге, по слухам, арестован весь Совет Рабочих Депутатов. Арестованы и закрыты почти все газеты. Собрания рабочих разгоняются вооруженной силой. То же начинается и в Москве. Не довольствуясь борьбой против почтово-телеграфного Союза, правительство объявляет войну и Союзу железнодорожных служащих. Министр путей сообщения Немешаев по телеграфу отдал приказ начальникам всех железных дорог немедленно начать борьбу с железнодорожными организациями.

Все это свидетельствует об одном: правительство спешит вызвать революционный народ на решительный бой. Силы правительства с каждым днем слабеют. Главной опорой его были, как известно, солдатские штыки. Но это—колючая и опасная опора. Все чаще и чаще солдатские штыки начинают поворачиваться против самого

[1]) Из газеты «Вперед» от 6/XII—1905 года № 4. Статья была написана мной почти накануне восстания. Она до некоторой степени отражает те сомнения, которые возникали у нас при обсуждении вопроса о восстании. Мы прекрасно понимали, что царское правительство провоцирует восстание, но вместе с тем были твердо убеждены, что оно необходимо и неизбежно, каков бы не был его исход.

М. Ю.

правительства, все меньше и меньше остается у него сторонников. Между тем силы пролетариата, главного врага царского правительства, растут не по дням, а по часам. Укрепляются и расширяются его организации, увеличивается его сознательность и сплоченность

В лице революционного крестьянства и лучшей части армии он приобретает могучих союзников.

С ненавистью видит все это правительство и отчаянным натиском спешит разбить пролетариат на голову. Надежды его попрежнему покоятся на солдатских штыках и казацких нагайках. Оно усиленно начинает ухаживать за войсками, оставшимися еще верными ему. В особенности лебезит оно перед петербургскими гвардейскими полками. Царь усердно подписывает милостивые рескрипты, в которых сердечно благодарит казаков и солдат за произведенные ими убийства и насилия. За эти убийства солдатам обещают платить по 15 копеек в день. Недорого, но, по мнению царского правительства, голодный солдат охотно будет убивать своих братьев и сестер и за пятиалтынный.

Одновременно царское правительсто старалось наглыми выходками раздразнить пролетариат и вызвать его на улицу, под пули. До сих пор пролетариат терпеливо сносил эти выходки и отвечал на них ядовитыми насмешками и дружной подготовкой к решительному бою. Но всякому терпению есть свой конец. Новые выходки правительства настолько преступны, что оставить их без ответа нельзя. Помимо массовых насилий и арестов, правительство собирается, повидимому, посягнуть даже на те бумажные свободы, которые рабочий класс вырвал у него в октябре. Оно собирается взять их обратно. Так, по крайней мере, заявил Витте в беседе с корреспондентом одной английской газеты.

Пролетариат достаточно уже окреп и собрался с силами; на назойливый вызов правительства он сумеет ответить могучим ударом.

И само правительство хотя и лезет в драку, не совсем-то, повидимому, рассчитывает на благополучный исход ее для себя.

За последнее время правительство вывезло из России за границу 8 вагонов золота, по 700 пудов в каждом вагоне. Это золото — кровь, выжатая из народа под видом разных налогов и поборов. Правительство, не надеясь на победу, предусмотрительно стянуло его у народа, чтобы было на что развратничать, когда оно само сбежит за границу. Удастся ли только сбежать?

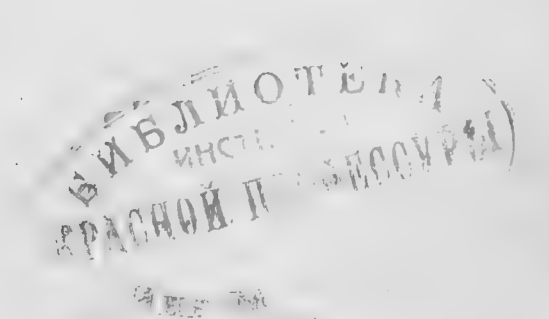
Московский пролетариат должен быть наготове. Не сегодня-завтра ему придется снова бросить постылые машины и молотки и схватиться за оружие. Помимо выходок правительства, к этому призывают его и текущие события в Москве.

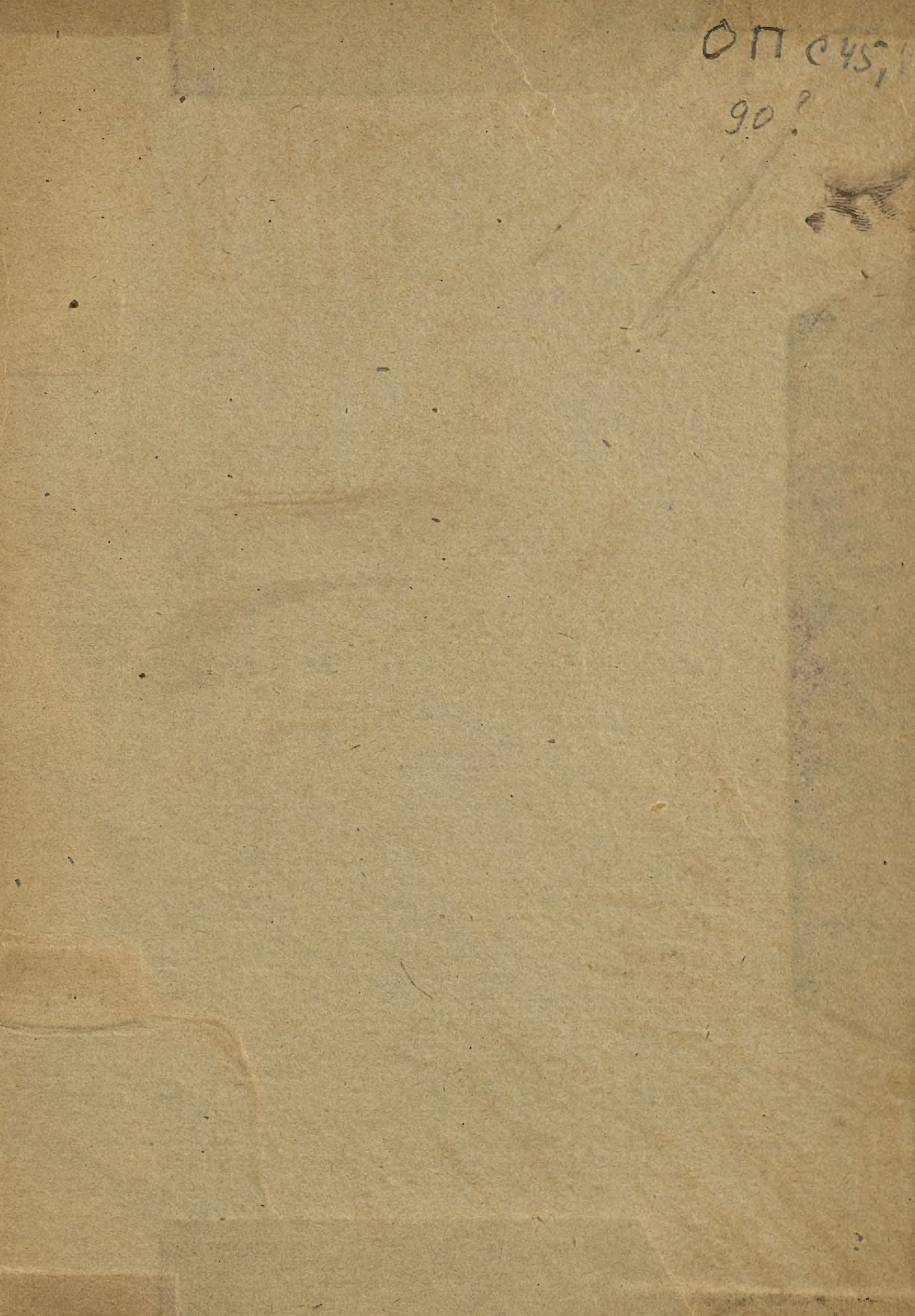
Среди войск московского гарнизона началось энергичное брожение. На первых порах возможны неудачи, но раз начавшееся движение не уляжется уже. И московский пролетариат должен поддержать его и поддержит всеми своими силами. В Москве началась октябрьская забастовка, московские рабочие и солдаты сумеют начать и декабрьскую революцию.

М. Южин.»

ОГЛАВЛЕНИЕ

ГЛАВЫ *Стр.*

ОП С45; 1
90?

